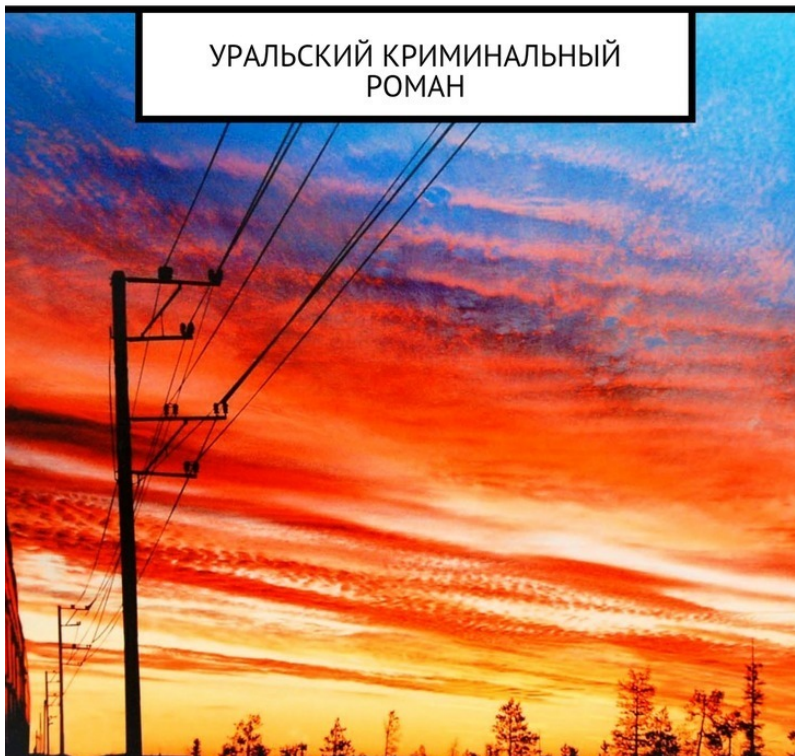

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Смертельный нокаут

УРАЛЬСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Геннадий Мурзин Смертельный нокаут. Уральский криминальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912537

ISBN 9785447483746

Аннотация

В книге «Смертельный нокаут» по-прежнему действует опытный и дерзкий сыщик Фомин, но на этот раз в составе бригады, возглавляемой следователем. Его вынудили. Впрочем, а кому, как не ему, нашедшему следы уголовного «пахана», и поставить точку? Теперь обязан все сделать, чтобы были не только оперативные разработки, но и другая доказательная база. Несмотря на подлость и предательство коллег, должен справиться с поручением. Он уходит из органов. Обещает вернуться, но в иной ипостаси.

Содержание

Глава 1. Знакомство	7
Глава 2. Обвинение	39
Глава 3. Бедняжка	70
Глава 4. Сокамерники	107
Глава 5. Проньера	167
Конец ознакомительного фрагмента.	179

**Смертельный нокаут
Уральский
криминальный роман
Геннадий Мурзин**

© Геннадий Мурзин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Смертельный нокаут» – это пятая и последняя книга в авторском цикле «Уральский криминальный роман». Прежде увидели свет детективы «Псы одичалые», «Кровопийца», «Без вести пропавший» и «Плата за свободу». Разумеется, автору (на снимке) хотелось бы знать мнение читателей об этом и других его произведениях. Оставляйте отзывы на сайте издательства или пишите – gim41@mail.ru

Глава 1. Знакомство

1

Фомин громко и протяжно зевнул и лишь после этого приоткрыл сначала левый глаз, а через минуту и правый. Он лениво потянулся, и в ногах что-то защелкало-захрустело. Раненько, но почему-то ему захотелось пофилософствовать. Он пошлепал правой ладонью по постели: увы, не с кем. Он был один-одинёшенек. Почти один. Почему? А дело в том, что из кухни доносились громыхания посуды. Ему все равно стало чуть-чуть грустно. Он снова потянулся, потом оторвал голову от подушки, слегка приподнялся, потянулся к будильнику, стоявшему на тумбочке, взял и удовлетворенно вслух хмыкнул.

– Ничего себе! Как говорится, храпанул так храпанул, – и ворчливо добавил. – Могла бы и разбудить. Не переломилась бы, поди.

Он, спустив босые ступни на ворсистый ковер, сел и кровать жалобно пискнула.

– Пищит, но терпит, – самодовольно пробурчал он.

Глянул в окно. Сквозь двойные шторы пробивалось солнце, возвещая ему, что на дворе отличная погода. Значит, что? А то, что у него нет и не может быть никаких причин для дурного расположения духа на весь его законный выход-

ной.

Он, закинув ручки за голову, вновь потянулся. Потянулся сильно. Потянулся так, что кровать теперь уже серьезно стала жаловаться на тяготы собственного бытия.

Он, наклонившись, достал из-под тумбочки гантели, встал с кровати, которая тотчас же облегченно выдохнула, и начал бросать вверх десятикилограммовые гантелины. Раньше у него была небольшая штанга, но с возрастом, почувствовав некоторый дискомфорт, поменял на более щадящий спортивный снаряд. Сделать это ему удалось не сразу. Пришлось походить в магазин «Спортивные товары», что находится напротив гастронома «Центральный», а справа, на противоположной стороне улицы Луначарского, современное здание – бывшая гостиница «Исеть». Молодые продавщицы, слушая его требования, только улыбались: сколько они помнят, в продаже никогда не было десятикилограммовых гантелей – от силы на пять килограммов. Фомин же продолжал ходить и настаивать. В конце концов, продавцы сжалились: они созвонились с заводом-изготовителем и попросили специально прислать в адрес их магазина требуемые клиентом со странностями гантели. Прислали. Теперь – они у него. И он рад. Потому что, по его мнению, заниматься по утрам зарядкой с легковесными спортивными снарядами – это сущее баловство, занятие, предназначенное для отвода глаз.

Минуты через две спиной почувствовал присутствие

в комнате Галинки, которую он еще называл Галчонком. Но сделал вид, что ее явление осталось для него незамеченным, поэтому продолжал делать упражнения с еще большим усердием.

Жена, понаблюдав за мужем с минуту, вздохнув, сочувственно сказала:

– Пора бы, любезный, и уменьшить нагрузки. Не молод.

Фомин, не обернувшись, не переставая заниматься упражнениями (теперь он приседал, держа гантели впереди и на вытянутых руках), поприветствовал:

– Доброе утро, родная!

Жене не понравилось, что муж проигнорировал ее сочувствие.

– Слышал, что я сказала?

– Слышал-слышал, – без каких-либо интонаций ответил муж.

– Ну, и?..

– Рано расслабляться.

– Не молод, – тверже прежнего повторила жена.

– Но и не стар, – возразил муж. Он положил назад, под тумбочку гантели, выпрямился, устроил на пояснице руки и приготовился к бегу на месте. Только потом добавил. – Как говорит Карлсон, мужчина – в самом расцвете сил.

Жена усмехнулась.

– Ну-ну... Кстати, муженек: не собираешься ли тут еще и прыгать?

– А что?

– Пожалей тех, кто под нами, медведь! Перекрытие ведь не выдержит.

Фомин ухмыльнулся.

– Я легонько... Я как птичка, – начав бег на месте, спросил. – Сын где?

– Там, где положено.

– А поточнее?

– Забыл, всё уже забыл, – покачав головой, сказала жена. И с укором добавила. – С этими командировками...

– И все же, Галчонок... Хочу знать, где мой сын?

– У него – спортивная секция. С десяти до двенадцати. По воскресеньям.

– Ах, да... забыл...

– Конечно! В голове-то – одни бандиты... Не до сына, – обиженно заметила жена.

Фомин, тоже обидевшись, спросил:

– Как это «не до сына»?! О ком же тогда мой самый первый сегодняшний вопрос? О нем, о сынуле!

– А дочь, выходит, вне сферы твоих интересов? – опять же, обиженно поджав губы, прицепилась жена.

Он прекратил бег, подошел к стоявшей в проеме двери жене, притянул к себе, чмокнул в щечку и ласково сказал:

– Мне оба одинаково дороги.

– А я?

– Ты – тем более. Ты же мать этих очаровательных сорван-

цов, которых застать дома невозможно.

– Почаще твоего-то.

Муж хмыкнул. И прошел в ванну, оставив укол жены без ответа. Он понимает, что это не со зла, а, скорее, по привычке.

Жена вернулась на кухню.

Муж, умываясь, крикнул из ванной:

– Что у нас на завтрак, Галчонок?

– Твои любимые блинчики, – ответила жена.

Последовал уточняющий вопрос мужа:

– С творогом?

– А то с чем же?

– Соскучился...

– По семье или по блинчикам? – поддела жена.

– И по семье и по блинчикам.

– Утешил!

2

Полковник юстиции Коротаев, несмотря на воскресный день, пришел-таки в ИВС городского управления внутренних дел. Пришел, чтобы встретиться с задержанным Шиловым. Мог и не приходить. Но счел нужным все-таки прийти и познакомиться. Клиент, судя по всему, не на час.

Следователя встретил дежурный офицер. Сопровождаемый офицером, Коротаев поднялся на третий этаж, где бы-

ла комната для допросов. Поднялся с трудом. Потому что страдал одышкой. На площадке третьего этажа сделал «перекур», чтобы прийти в норму. Потом повернул направо. У одной из дверей его поджидал дежурный офицер. Он предупредительно открыл перед следователем дверь комнаты.

– Пожалуйста, Иван Емельянович.

– Благодарю.

Следователь вошел. Оглядевшись, прошел к единственному небольшому и весьма древнему столику. В комнате находился надзиратель и довольно крупный мужчина в наручниках. Мужчина сидел, не поднимая глаз и ни на что не реагируя.

Следователь присел.

– Здравствуйте, гражданин Шилов.

– Ну... вишь ты... сразу и «гражданин», – недовольно пробурчал тот, но головы так и не поднял.

Следователь напомнил:

– Я с вами поздоровался, не так ли?

– А... пошел ты!..

– Не понял?

– Поймешь, вишь ты, когда сдохнешь.

– Если так, – следователь неожиданно хряпнул кулаком по столу и рявкнул. – Сидеть, как положено!

Шилов от неожиданности вздрогнул. Тотчас же выпрямился, подобрался и впервые посмотрел на следователя. К столь резкому переходу он оказался не готов.

– Извините, – промямлил Шилов.

Следователь совершенно спокойно заметил:

– Это совсем другой разговор. Он более приемлем для меня, – Шилов счел благоразумным промолчать. Следователь спросил. – Как прошла ночь?

Шилов пробурчал:

– Вонь и духотища.

– Ну, извините, – следователь развел руками. – Специальных апартаментов для VIP-персон здесь нет. Как я понял, это единственная у вас жалоба?

– Нет, – буркнул в ответ Шилов.

– А именно?

– Мне, вишь ты, адвокат нужен.

– Понятное желание. И оправданное. Но не сегодня. Сегодня не будет никаких следственных действий. Я пришел лишь познакомиться...

– Могли бы и представиться, – пробурчал Шилов.

– Если бы не ваша грубость, то я это бы сделал уже в самом начале. Я – Коротаев Иван Емельянович, старший следователь по особо важным делам прокуратуры области, полковник юстиции.

Шилов переспросил, хотя все услышал предельно отчетливо:

– Следователь? Из областной прокуратуры? Полковник юстиции?

– Именно так, – подтвердил Коротаев.

– Лестно, вишь ты, но вряд ли оправданно внимание ко мне со стороны...

Коротаев поспешил уверить:

– Оправданно, очень даже оправданно.

– Но я... вишь ты... ничего не совершил... такого, чтобы... Схватили... Поместили... А за что? Никто не говорит... Это – чистейшей воды произвол, о чем прошу сообщить прокурору области. Я – депутат и никто не вправе так относиться... Я облечен доверием избирателей... Ну и прочее такое...

Коротаев проигнорировал тираду задержанного:

– Мне поручено дело...

Шилов перебил.

– У меня нет и быть не может, вишь ты, никаких дел с прокуратурой области. Я – добропорядочный гражданин России... Общественный деятель... Предприниматель... Чинится беззаконие. Поэтому, повторяю, мне нужен адвокат.

– Я уже это понял, гражданин Шилов. И дал разъяснение. Разъясняю, кроме того, что если вы не имеете возможности нанять адвоката, то защиту будет вам обеспечивать адвокат, назначенный следствием, то есть государством. Но, подчеркиваю, только завтра, то есть с началом следственных действий. Этого требует процессуальный закон. И вы сейчас должны мне сказать, понадобится вам или нет адвокат, назначенный государством?

– Нет.

– Говорите яснее.

– Что я могу сказать, если не знаю причины ареста.

– Вас не арестовали.

– Если так, то это что? – он кивнул на руки, на которых все еще были наручники.

– Ах, это! Извините, гражданин Шилов, – следователь поднял глаза на надзирателя. – Снимите, пожалуйста, с него побрякушки.

Надзиратель подошел, снял с задержанного наручники, прикрепил их к своему поясу и вернулся на прежнее место, то есть к двери.

– Итак, гражданин Шилов, вы не арестованы, а задержаны...

– С какой стати?!

– Охотно отвечу: вы задержаны по подозрению в совершении злостного преступления.

– Какое еще преступление?! Что вы несете?!

– Преступление, повторяю, злостное. И вы должны были догадаться с того момента, как я вам представился. Вам, надеюсь, не надо объяснять, что полковник юстиции пустяками не станет баловаться?

– Кто вас знает!

– Итак, – продолжил следователь, – теперь вам понятно, что в вашем задержании случайностью и не пахнет? Надеюсь также, что вы догадываетесь, что задержание произведено именно в Екатеринбурге тоже неслучайно?

– Идиотизм, вишь ты... И я отказываюсь понимать что-либо.

– Наше знакомство, собственно, состоялось. Поэтому я могу и удалиться. Однако вы мне до сих пор не сказали, каким видом защиты вы намерены воспользоваться?

– Мне нужен свой адвокат.

– Какой именно?

– Тагильцев Афанасий Петрович.

– Понятно, – Коротаев сделал пометку в записной книжке. – Как с ним связаться?

Шилов пробурчал:

– Один из адвокатов НТПС «Высокогорье». Его обязанность, чтобы... – и назвал номер телефона.

– Хорошо. Если он согласится на вашу защиту, то завтра будет.

– Он обязан согласиться.

– Всякое бывает, гражданин Шилов. До встречи.

Коротаев встал, положил записную книжку в карман и вышел из комнаты.

3

Муж уплетает уже шестой блинчик, а конца этому вкусному процессу пока не видно. Желудок радуется. Особенно сегодня. После длительной командировки. Муж явно изголодался по ее стряпне. Впрочем, и в обычной ситуа-

ции муж на отсутствие аппетита не жалуется. Ест все подряд. Не из числа капризных он. Но ценит, когда жена постарается и выдаст «на-гора», как, вот, сегодня, обожаемые им блинчики с творогом. Или пельмени, где и тесто, и фарш – это ее, так сказать, эксклюзив. По мнению мужа, ничего подобного не встретить уж нигде.

Жене приятно вот так, как сегодня, сидеть рядом и смотреть на сосредоточенного и необычайно молчаливого мужа. Сама она поест позднее, когда придут дети. С ними – труднее. Те – едят, но по принуждению. Начинает мать «воспитывать», но у тех сотня отговорок. Привереды, короче. Избаловала. Чуть-чуть поостынут те же блинчики – начинают носы морщить. И в кого они? Уж точно не в отца. Тому хоть что поставь на стол. В ее, то есть в мать? Вроде, не скажешь. За собой в детстве ничего такого не наблюдала. По правде говоря, и предпосылок в семье не было: жили довольно скромно; довольствовались вареной картошкой с постным маслом. По праздникам, правда, стол старались разнообразить и тогда появлялись пироги с рыбой или жаркое по-домашнему, то есть тушеная баранина с картофелем. Жаркое непременно тушилось в тяжелом чугушке и в русской печи. Обьединение!

Жена тяжело вздохнула и поправила на голове косынку.

– Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, – произнес с ухмылкой муж, вытирая губы салфеткой.

Жена фыркнула.

– Ну, ясно: насытился. А то бы продолжал сидеть тихой

сапой.

Муж отвалился на спинку стула, и на лице появилась улыбка.

– Захарыч мне рассказывал, как его однажды «воспитывала» девочка... – он с прищуром смотрел на жену.

– Алексеев, что ли? – спросила жена.

– Так точно! – муж хихикнул. – Хочешь узнать, в связи с чем возникла процедура воспитания?

Жена рассмеялась.

– Допустим, не хочу. И что? Не расскажешь?

Кто-кто, а она-то отлично знала, что тот обязательно расскажет и согласие ее испрашивается всего лишь формы ради.

– Девочка, послушав речь Захарыча, заявила, что у того слишком много (да-да, так и сказала) словесного мусора. Ну-ка, сказала, без причины – это плохо; слово «НУ», мол, – словесный сорняк, от которого следует беспощадно избавляться, – он хитро подмигнул жене. – Какова девочка, а?

– Молодец девочка, – заметила жена. Она еще не догадалась, ради чего он вспомнил эту историю и в чей «огородец» намечает бросить камешек. – А ты не сочинил сам?

– Что ты, Галчонок! Сущая правда-матка, которую рубанула прямо в глаза девочка. И ведь кому?! Полковнику юстиции.

– Ну, и как же тот отреагировал?

– Смутился, конечно, но замечание принял к сведению, – он снова хитро подмигнул жене и спросил. – А ты?

– А что я?

– Видишь?! Видишь?! Ты даже не замечаешь, а еще педагог. И какой педагог? Русской словесности! Не стыдно, голубушка, а?

Жена громко рассмеялась.

– Так, вот ты о чем! – она снова прыснула. – Выучила на свою голову, – жена притворилась обиженной, добавив. – Не делай добра, если не хочешь получить зла.

Муж-то – стреляный воробей: такого на мякине не проведешь. Он-то прекрасно знает, когда его Галчонок сердит-ся взаправду, а когда понарошку. Он попытался продолжить его любимую тему, но зазвонил телефон. Он стремительно встал и подошел к холодильнику, на котором стоял телефонный аппарат. Ему почему-то показалось, что это по его душу. И он не ошибся. Хваленая интуиция и на этот раз подполковника не подвела.

– Да... Очень рад, Ваше Превосходительство...

Жена, догадавшись откуда звонок, рассержено покачала головой.

– Что за народ, а? Минуты покоя не дадут мужику.

– Как видишь... Вот... Докладываю: поручение исполнено, – жена обратила внимание на то, что муж использовал глагол «видишь» в единственном числе. Оговорка? Вряд ли... – Сейчас?.. На кухне... Галчонок такими блинчиками потчует: пальчики оближешь, – жена, услышав, как перед другим мужчиной ее способности превозносят, зарде-

лась. – Вот как?.. Отдыхаю... Имею право... Поставленную передо мной задачу решил... Согласен, что не точка, а всего-то многоточие в истории, но... Не должна болеть голова у дятла... Уж, да... И вечер, соответственно, свободен... Тем более для тебя...

Жена, теперь догадавшись, все же тихонько спросила:

– Чайковский?

Муж ей утвердительно кивнул.

– Передай привет от меня.

– И Галчонок шлет тебе пламенный привет... Да... А что она? С ней все в порядке... Как и полагается жене офицера... А у тебя?.. Хорошо... Понял... Конечно, с ней... Никуда не денется... Пойдет!.. В конце концов, прикажу... Ясно, шутка... Скорее она, чем я... Чистейшей воды подкаблучник... Признаю... А куда, дорогой друг, денешься?..

Жена фыркнула

– Подкаблучник?! Ты?! Умора!

Фомин положил трубку. Вернулся к столу. Присел. Жена смотрела на него. Ее взгляд требовал разъяснений.

– Вот... Приглашает...

– Куда? В управление?!

– Нет, конечно... К себе приглашает.

– Тебя?

– Нас.

– То есть?

– Глупый вопрос.

- А что за событие?
- Никакого. Просто: на чай.
- Знаю я ваши «чаи».
- Обижаешь, голубушка. Ни я, ни он – повода плохо думать не давали. Или не так? Или я ошибаюсь?
- Ладно тебе. Я же просто так сказала.
- «Просто так»? Оскорбила подозрением достойных из достойнейших...
- Пошло-поехало... Лучше скажи: на какое время?
- Ждут, говорит, в семнадцать ноль-ноль.
- Уж не сегодня ли?
- Слава Богу, нет... Встречаемся в следующее воскресенье.

4

Анна Егоровна Шилова, встревожившись столь долгим отсутствием мужа (сказал, что срочно должен выехать в Екатеринбург, однако оговорился, что вернется не позднее десяти вечера), решила выяснить, в чем дело, где может быть ее муж так долго. Он же не только задерживается настолько, но и не подает никаких признаков жизни. Это-то и настораживает жену. Потому что приучил: запаздывая даже на час, обязательно звонит, предупреждает. В последнее время, она заметила, уж слишком часто психовать стал. Чуть что не по нему – сразу лаяться начинает. Слава Богу, что

хоть руки в ход не пускает. Закралось подозрение: уж не шалашовку ли какую завел на стороне? С него сбудется. Он таковой. Любит хорошеньких бабенок. Завидев смазливенькую, сразу слюни пускает. Впрочем, где найти такого мужика, который бы не западал на свежатинку? Кобелины проклятые! Хлебом не корми, а дай по девкам пошастать. А они, эти шалашовки, значит? Ложатся под любого, у кого денежки в кармане водятся. Твари!

Сначала позвонила в штаб-квартиру их союза. Никто не ответил. Понятно: воскресенье. Потом решила справиться насчет мужа в офисе Колобова. Нет, она знает, что с тем приключилось несчастье, но всё же. Ответил дежурный вахтер, авторитетно заявивший, что Шилова здесь не видел давно и, соответственно, ничего о его месте пребывания на данный момент сказать не может. Попросила, чтобы вахтер сходил в ресторан «Высокогорье» (благо в одном здании) и поспрашивал старшего метрдотеля. Тот сходил, видимо, поспрашивал, вернулся и вновь ничего не смог сообщить утешительного. Старший метрдотель Кайгородов, по словам вахтера, видел Шилова на днях, обедавшим в ресторане. Больше он Шилова не видел и не слышал ничего о нем.

Анна Егоровна, вспомнив, как муж упоминал дружка Кобякова, решила найти его номер телефона. Порывшись в записях-каракулях мужа, отыскала. Позвонила. Не сразу, но ответил женский голос. Видимо, жена Кобякова. Где муж сейчас? А она не знает. Как обычно, рано утром уехал,

не сказав ни слова. Так что помочь ничем не может.

Оставалось последнее: ночной клуб «Старатель», где (жена это знала) муж часто проводил свой досуг. Опять же нашла телефон. Позвонила. Ответил мужской голос, судя по всему, вахтер, который сказал, что никакой информации по телефону о клиентах не дает. Анна Егоровна напомнила, что спрашивает не кто-нибудь, а жена Шилова. Но и это не подействовало. Почём знаю, резонно заявил вахтер, жена звонит или любовница? Вахтер, правда, посоветовал позвонить исполнительному директору клуба. Возможно, он, Илья Андреевич, что-то и скажет насчет ее мужа. И сказал, по какому телефону можно найти директора.

Анна Егоровна позвонила. Ответил Илья Андреевич, который, извинившись, сказал, что в данную минуту говорить не может, однако через пару минут сам перезвонит.

Анна Егоровна положила трубку и стала ждать. Она догадалась, что тот тоже не верит, что позвонила жена, поэтому, для верности, перепроверяет.

И действительно: через пару минут у Анны Егоровны зазвонил телефон. Она сняла трубку.

– Да... – Анна Егоровна усмехнулась. – Илья Андреевич, вы попали туда, куда нужно, – это квартира Шилова... У телефона – его жена... Правильно... Да, собственно, мужа ищу... Мне?.. А сказал, что на пару часов сгоняет в Екатеринбург... Встреча, будто бы, у него с кем-то назначена... Нет, не сказал... Знаю я вас, мужиков... Не спорю: бабы то-

же хороши... Шолохов верно написал: сука не захочет, кобель не вскочит... Может, вам что-то известно?..

На том конце наступила пауза. Анне Егоровне показалось, что Илья Андреевич потому и замолчал: соображает, говорить правду или нет.

– Илья Андреевич, ну, так как?

Собеседник, наконец, начал говорить.

– Во-первых, Анна Егоровна, странно, что ваш муж поехал в Екатеринбург. Его там никто не ждал...

– Как это?! Не понимаю.

Собеседник уточнил:

– Ему никто и никакой встречи не назначал.

– Соврал, выходит?! Или, может, вы высказываете лишь предположения?

Илья Андреевич подтвердил:

– Да, предположения. Однако они больше похожи на правду.

– Почему вы так решили?

– Со стороны гордумы – не было надобности. Проверил. Со стороны же... Тем более. С кем ему встречаться, если он лишен всех полномочий?

Анна Егоровна от неожиданности воскликнула:

– Лишен? Чего лишен муж?

Илья Андреевич в ответ тоже спросил:

– Вы не знаете? Он вам ничего не говорил?

– А что, собственно, я должна была знать?

– Тут такая штука, – в голосе собеседника слышались неуверенные нотки. Ему, очевидно, не слишком хотелось распространяться на столь щекотливую тему. – В нашем союзе он теперь всего лишь рядовой член.

– Как это «рядовой»? Он же...

– Был... И даже исполком союза решил поставить вопрос об отзыве вашего мужа...

– Из депутатов, что ли? – догадавшись, спросила Анна Егоровна.

– Именно.

– Что он натворил?

– А этого, извините, сказать не могу. Не моего ума дело. Спросите мужа.

– Как спрошу, если нет?!

Собеседник как-то не слишком уверенно ответил:

– Даст Бог, вернется... – и добавил. – Когда-нибудь...

– Совсем вы меня запутали своими загадками. Судя по всему, что-то знаете, а не говорите.

– Не все можно...

– Если по телефону нельзя, то я подъеду. Какие проблемы?

– Но приезжать тоже нет смысла.

– Илья Андреевич, я же не дура. Своими ушами слышала от него, что деловая встреча там...

– Западня... Подстроенная... Так думаю...

– Что вы такое говорите, Илья Андреевич?! С мужем что-

то произошло? Там, в Екатеринбурге?

Собеседник решил положить конец расспросам. Они утомили изрядно его.

– Анна Егоровна, я скажу, но давайте больше не задавать мне никаких вопросов, хорошо?

– Слушаю...

– Вашего мужа арестовали в Екатеринбурге...

– Арестовали? Но за что?! Что он там еще учудил?

– Я же просил...

– Так, где он сейчас?

– Не знаю... Мне позвонил наш адвокат Тагильцев... Афанасий Петрович... И сообщил эту новость. Позвоните ему... Может, вам он больше скажет.

– Подскажите его телефон.

Илья Андреевич назвал номер домашнего телефона адвоката и тотчас же положил трубку.

Анна Егоровна, все еще не веря в услышанное, сразу набрала номер телефона адвоката. Долго никто не отвечал. Анна Егоровна терпеливо ждала. И, наконец, она услышала хриплый мужской голос.

– Да.

– Афанасий Петрович, здравствуйте.

Тот, не ответив на приветствие, довольно грубовато спросил:

– Что нужно?

– Жена Шилова...

– Ах, вот оно что...

– Мне сказали, что мужа...

– Вам правильно сказали... со мной связался старший следователь по особо важным делам областной прокуратуры Коротаев. Он и проинформировал меня о задержании Шилова, а также о том, что задержанный, то есть ваш муж, выразил желание, чтобы его защиту осуществлял ваш покорный слуга. Вот и все, что мне известно на этот час.

– Но что муж мог натворить, если...

– Не знаю, сударыня. Знаю лишь, что задержан в качестве подозреваемого. Могу лишь предположить, что подозрения слишком серьезны.

– Почему вы так решили, если не знаете?..

– Исхожу из практики, сударыня: областная прокуратура мелочами не занимается. – Анна Егоровна еще что-то хотела спросить, но адвокат не дал. – Больше мне сказать нечего. Завтра выезжаю в Екатеринбург. Встречусь с Коротаевым. Выясню, на каком основании задержан Шилов, в чем он подозревается. Если разрешат, то состоится свидание и с подзащитным. Мне необходимо заключить с клиентом договор на оказание адвокатских услуг... Кстати, сударыня, каковы его материальные возможности?

– А сколько?

– Деньги, судя по всему, потребуются немалые.

– А что союз?..

– Спешу разочаровать: мне показалось, что союз не бу-

дет брать на себя издержки. Впрочем, сударыня, не следует забегать вперед. К завтрашнему вечеру все прояснится. Но, психологически, готовьтесь хорошо раскошелиться.

5

Они поднялись на третий этаж. Упёршись в дверь нужной квартиры, Фомин пробурчал:

– Не пристало генералу в таком доме жить... Мог бы и перебраться... Например, на Антона Валека.

Жена сразу одернула:

– Прекрати околесицу нести, – и авторитетно добавила. – Не красна изба углами, а красна пирогами.

Фомин довольно ухмыльнулся.

– Насчет пирогов – это ты в самую точку угодила. Люблю пироги... Горяченькие... С румяной и пышной корочкой... Чтобы с сырой картошкой внутри и много-много репчатого лука.

– У, обжора, – жена легонько стукнула мужа по широченной спине.

Фомин нажал на кнопку звонка. Дверь сразу же отворилась. Хозяева, выходит, уже заждались. Там стоял Чайковский, а из-за спины выглядывало покрасневшее и мило улыбающееся лицо жены.

Чайковский, ухмыляясь, сказал:

– По вам часы можно проверять.

– Точность, господин генерал, – вежливость королей, – поспешно отреагировал Фомин.

Чайковский и его жена отступили назад, вглубь узкого коридорчика.

– Не стойте там. Проходите.

Гости вошли. Хозяин стал услужливо помогать раздеваться даме. Фомин, пригладив прическу, напыщенно, а потому неестественно сказал:

– Мир дому сему, господа!

Фомин подошел к супруге генерала.

– Разрешите вашу ручку, сударыня?

Поцеловав руку хозяйке, он обратил взор в сторону «Его Превосходительства».

– Здравия желаю, господин генерал.

Чайковский насупился.

– А, ну, без этих!..

– Слушаюсь! Я ведь что? Привык исполнять чужие приказания.

Галина, жена Фомина, приблизилась к хозяйке, легонько обняла.

– Здравствуй, Танюша, – потом, наклонившись к уху, шепотом спросила. – И как?

Хозяйка правильно поняла вопрос и поэтому подняла вверх большой палец. Галина кивнула, сказав:

– Мы – на кухню. Пусть мужики побудут одни.

Хозяйка с грустинкой усмехнулась:

– И правда: бабья дорога – от печи до порога.

– Идите-идите, – шутливо сказал Фомин и добавил. – Уж постарайтесь там.

Хозяин, а следом за ним и Фомин, проследовал в небольшую скромно обставленную гостиную. Фомин, как дома, тотчас же плюхнулся в старенькое кресло и с удовольствием вытянул ноги, отвалившись назад. Хозяин устроился в другом кресле, напротив.

Чайковский, кивнув в сторону небольшого столика, на котором стояла тонко нарезанная ветчина, конфеты и ломтики лимона, а также крохотные (по оценке Фомина, конечно) из зеленого хрусталя рюмки и штоф с водкой, предложил:

– Давай, а, по одной? Для затравки.

– А Танюша, как? Не будет сердиться? – осторожничая, спросил Фомин.

– Что ты, как маленький, как в первый раз!

– Наливай! – Фомин решительно махнул рукой.

Они выпили и чуть-чуть закусили. Фомин спросил:

– Что в управлении? Я-то, как ты сам понимаешь, в отгулах.

– В норме.

– Начальство как?

– Твое или... вообще?

– Вообще.

– С начальством все в порядке. Краснов, сам слышал, доволен тобой. Тут же забрюзжали завистники.

Фомин усмехнулся:

– Без этого не бывает.

– Насколько мне известно, Краснов поручил кадрам подготовить представление в министерство.

– На предмет?..

– Вот, этого-то я тебе и не скажу.

– А еще друг...

– Дружба дружбой, служба службой, – Чайковский, по примеру Фомина, положил на крохотный ломтик хлеба пластик ветчины и, отправив в рот, стал медленно пережевывать. Он спросил, постучав пальцем по штофу. – Еще?

– У матросов нет вопросов.

Они снова выпили и закусили в полной тишине. Чайковский, кивнув в сторону музыкального центра, предложил:

– Может, музыку?

– Не стоит... Не стоит пока, – потом спросил. – Как слухи?

– Насчет Краснова? – уточнил Чайковский. Фомин кивнул. – Слухи все упорнее. Я попытался заговорить с самим, но он уклонился от разговора на эту тему.

– Чехарда какая-то, – недовольно пробурчал Фомин. – Надоело! Настоящий проходной двор.

– Самое интересное не это.

– А что же?

– То, кого метят.

– Не тебя ли, Паша?

Чайковский заразительно рассмеялся.

– Сморозил!

Фомин обиделся.

– Почему бы и нет?

– Дурацкий вопрос.

– Почему?

– Потому что ответ ты хорошо знаешь.

– Ну, извини... Так кого же нам ждать?

– Из министерства...

– Вот! Опять варяга! – Фомин недовольно фыркнул.

Чайковский возразил:

– Нет, не варяга.

из УБОПа?
– Продолжай. Это что-то новенькое. Не Радченко ли...

– Нет.

– Тогда и не знаю, на кого подумать.

– Кандидат – генерал-лейтенант Воротов.

– Владимир Александрович?! – Фомин рассмеялся. – Вот умора.

– Совсем несмешно.

– Скажешь тоже, – Фомин продолжал смеяться. – Они, что, там решили по второму кругу пойти?

– Кандидатура неплохая, – сказал Чайковский.

– Не спорю. Однако до сих пор еще не было случая в истории управления, чтобы прежний возвращался.

– Все происходит когда-то впервые, – резонно заметил Чайковский, и наполнил снова рюмочки. – Выпьем за то,

чтобы хуже не было.

Фомин покачал головой.

– Это я так ведь... Меня, если по правде, мало вся эта чехарда волнует. Завязываю я. Послужил Родине и будет. Опротивело все. И «референт» мой, то есть Галчонок, обеими руками – за.

Чайковский внимательно смотрел в лицо Фомина, стараясь понять, правду тот говорит или ёрничает.

– Ты серьезно решил?

– Чему ты-то удивляешься? Не говорил, что ли, раньше? Что мне еще надо, а? Стаж выработал... Имею право на покой.

– Дело, понятно, твое, – Чайковский покачал головой, – но, боюсь, ничего не выйдет.

– Что значит «не выйдет»? – раздраженно спросил Фомин. – Что или кто может помешать?

– Не хочу огорчать, но...

– Прошу, без твоих этих длиннот. Говори, в чем дело?

– Саш, только сугубо между нами, хорошо? Сделай завтра вид, что слышишь о предложении впервые.

– Обижаешь! Это когда я тебя подводил?

– Собственно, и не буду от тебя скрывать, лично я вижу резон в словах генерала Краснова.

– Что еще-то он хочет от меня, что?! Дался всем им Фомин. Свет клином на нем сошелся?

– Краснов полагает, что в составе оперативно-следствен-

ной бригады по делу, известному тебе, от областной уголовки...

– Надо же! – сердясь, воскликнул Фомин и сильно ударил кулачищем по подлокотнику кресла. Фомин уже догадался, в чем дело. – Значит, снова Тагил? – Чайковский утвердительно кивнул. Фомин раздраженно и вовсе непритворно воскликнул – Сколько же можно!? И ты... на их стороне? Поддержал?

– Подумай, Сашок, разве не прав Краснов, а? Новичку надо сколько вникать? По сути, начинать с нуля. Ты же... Не дитя... Понимаешь.

– С какого «нуля»? Все наши доследственные мероприятия документально оформлены и готовы для приобщения к уголовному делу. Бери – и работай.

– Сашок, о чем ты говоришь? Документы – одно, а живой человек – другое. Хотя... Чего это я тебе, матерому сыщику, объясняю подобные прописные истины?

– Объективно говоря, ты прав, – Фомин обреченно вздохнул. – Как тут ни крути, а все правы. Но мне что делать, а? Так никогда и не распрощаться с тагильчанами? К тому же... не мальчишка слоняться по гостиницам. Пусть теперь другие... И дома... Парнишка в таком возрасте, когда отцовский глаз, ой, как нужен.

Чайковский грустно усмехнулся.

– Я тебя понимаю. Я и сам ведь решил.

– Ты? Решил? Что ты мог решить?

– Решил, что тоже пора уходить в отставку.

Фомин пристально посмотрел другу в глаза.

– Выживают?

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Танюша... Ну... Вот-вот подарит сына...

– Кстати, все подтверждается?

– Да! – воскликнул Чайковский. – Нет никаких теперь сомнений, что сын. Будет сын! Мой сын! Мой, понимаешь?!

– Как не понять. У самого... Как беременность? Нормально? Нет осложнений? По-моему, уже скоро.

– Меньше месяца осталось. По словам врачей, сынуля развивается нормально. Танюша – молодец! Хорошо вынашивает. Даже на сохранение ей не пришлось ложиться... Я нервничаю...

– Говоришь, что все нормально, а сам дергаешься. Зачем?

– Все равно же, Сашок, волнительно.

– Успокойся, дружище! И приглашай на крестины. Да...

Имя парнишке подобрали?

– Да.

– Какое же?

– Егором решили назвать, – Чайковский вздохнул. – В честь моего деда... Умирая, очень просил, чтобы... Я пообещал... Сам Господь помогает мне держать слово...

– Замечательное, наше имя! Но не будем об этом...

– Чайковский рассердился.

– Как это «не будем»?! А ты хоть догадываешься, кто будет крестным?

– Ну... Наверное, брат твой... Или еще кто... Родня у тебя большая...

– Ошибаешься, голубчик! – Чайковский торжествующе смотрел на друга. – Танюша предложила, а я с восторгом её поддержал, тебе стать крестным отцом. Как? Что скажешь?

Фомина это привело в полное смятение. Чего-чего, а этого он не ожидал от Чайковского. Да, друзья-коллеги с давних пор, но чтобы... Это – уж слишком. Как говорится, не по чину честь. Чайковский молчание Фомина воспринял по-своему. Он настороженно спросил:

– Ты... это... что молчишь? Не по душе, что ли, наше предложение?

Фомин встал. Подошел к другу, обнял за плечи.

– Ну, спасибо тебе!.. – у него запершило в горле. – Обещаю: я буду отличным крестным твоему сыну, – он вернулся на свое место. – А кто будет крестной матерью?..

– Женщины на кухне сейчас этот вопрос решают.

– Не понял.

– А что тут непонятного? Крестной станет твоя жена, если, конечно, наше предложение примет.

– Она? Примет, обязательно примет! Ей да не принять? Еще чего...

– Давай, Сашок, договоримся: ты свои «хвосты» подчищаешь, я – тоже и в конце года вместе подаем рапорты. Ну, как?

– Ты, в самом деле, решил уходить? – спросил Фомин.

– Почему нет? Ты собираешься уходить, а я чем хуже?

– Со мной – совсем другое дело, – возразил Фомин, – я всем уже глаза измозолил. Мечтают, чтобы ушел.

– Преувеличиваешь... как всегда.

– Ничуть. Тебе же еще служить да служить... генерал как-никак.

– Плевать я хотел на генеральские лампасы! – в сердцах воскликнул Чайковский.

– О-го-го. Если всяк станет плевать на генеральство, то... Что же будет?

– Я решил... Твердо решил... Егорушку воспитывать с пеленок... Сам воспитывать... Ради этого... Нет и не может быть у меня ничего дороже на всем белом свете. И остатки моей жизни будут отданы ему, Егору моему.

Фомин решил пошутить.

– А Танюша – рыжая, что ли?

– И ей, конечно, – серьезно сказал Чайковский, но...

В этот момент открылась дверь гостиной, и вошли жены. Они несли на руках подносы с выпечкой. Фомин потянул носом.

– Неужели мой... любимый?! – искренне радуясь, воскликнул он. – Запах... С ума сойти!..

Поставив на стол подносы, жена Фомина взяла нож, и стала разрезать пирог на части.

– Заскучали без нас? – спросила она мужчин.

За мужчин ответила Танюша:

– Вряд ли, – сказала она, осторожно, устраиваясь в кресле, потом, кивнув в сторону наполовину опустошенного штофа, добавила. – За «причастием» – какой мужик заскучает?

Все рассмеялись.

Глава 2. Обвинение

1

Тагильцев, приехавший в Екатеринбург первой электричкой, сначала чуть-чуть перекусил в вокзальном буфете, а уж только потом поехал трамваем в прокуратуру. Он, конечно же, не беден. Он не работает под обездоленного. Он имеет «БМВ», довольно приличную машинешку, и может себе позволить прошвырнуться и на ней до областного центра: сто двадцать километров – не расстояние. Однако из-за благоразумия не делает этого никогда, а пользуется общественным транспортом. Он считает, что удобнее и безопаснее. Удобнее, потому что не надо искать всякий раз автостоянку. Оставлять же на несколько часов без присмотра (даже у крыльца областной прокуратуры) не решается: зачем ему эта головная боль? А безопаснее, так как на автостраде пошаливают разбойнички: надо ли лишний раз рисковать, если можно обойтись и без этого? Да, он никогда с собой большие бабки не возит, однако откуда об этом знать лихим людям?

Он поднялся на третий этаж и в крохотном «предбаннике» нос к носу столкнулся с тем, кто ему нужен, – следователем по особо важным делам Коротаевым: тот тяжело дышал, и лицо багровело от натуги. Как считает Тагильцев, следователю трудно даются лестничные марши. Тагильцев знает

следователя в лицо, хотя прямых контактов пока не было. Ему положено знать все сколько-нибудь значительные фигуры. Он знает многое о Коротаеве. Он наслышан, например, о том, что следователь обладает жестким и непреклонным характером. К тому же страшно упрям и не сговорчив. Хорошему адвокату (даже из провинции) полагается знать (и он, Тагильцев, конечно же, знает!) и такое крайне важное обстоятельство, как полная невозможность «подъезда» с подношением, то есть с взяткой. Находились отчаянные и пробовали подмазать, но им это обходилось довольно дорого. Дорого не в смысле затребованной суммы, а в смысле того, что не оставлял сии поползновения безнаказанными. Самое малое, на что способен, – это направить официальное представление в Свердловскую областную коллегия адвокатов. Был, говорят, случай, когда Коротаев за попытку дать взятку ему, следователю, добился возбуждения уголовного дела и доведения его до суда, где был постановлен обвинительный приговор. Конечно, взяткодатель получил небольшой срок – три года условно, однако решением суда он был лишен права заниматься адвокатской деятельностью на пять лет, а это уже чрезвычайно серьезно. Упущенная-то выгода выразилась в весьма кругленькую сумму. Так что отбил охоту у многих. И теперь этого следователя оставили в покое.

Адвокаты, практически, считают свою миссию абсолютно безнадежной, если дело, по которому проходят в качестве защиты, оказывается в руках Коротаева. Никаких пер-

спектив добиться послаблений для подзащитного или как-то повлиять на ход следствия. Единственная надежда – это на суд. Поэтому адвокаты не любят браться за дела, находящиеся в производстве у Коротаева. Приходится, конечно, но без охоты. При этом заламывают с подзащитного такие гонорары, что глаза на лоб лезут. Адвокаты считают, что это не что иное, как компенсация за особые условия труда, так сказать, за вредность. Но, даже получив двойной гонорар, адвокаты не тешат подзащитных особыми иллюзиями.

– Доброе утро, Иван Емельянович, – мягко поприветствовал Тагильцев, приподняв на совершенно лысой яйцевидной голове кожаную фуражку.

– Доброе-доброе, – мрачно пробурчал тот, возясь с замком, который почему-то не хотел открываться. Наконец, в замке что-то щелкнуло, и дверь подалась. Взявшись за ручку, он спросил. – Ко мне?

– Именно, Иван Емельянович. Вы звонили... Тагильцев я... Адвокат... По поводу подозреваемого Шилова...

Коротаев, смерив хмурым взглядом с головы до пят адвоката, ничего не выражающим голосом сказал:

– Заходите.

Вошел Коротаев, а следом – Тагильцев. Коротаев рукой показал на одиноко стоящий стул, а сам прошел к окну, отодвинул шпингалеты и приоткрыл створки. В крохотный кабинетик хлынул прохладный воздух, смешанный с влагой: только что прошел дождь, освеживший воздух. Сюда же про-

сочился терпкий запах тополиной листвы.

Коротаев уселся за столом, за которым, судя по всему, сидело не одно поколение следователей. Кивнув в сторону полуоткрытого окна, спросил:

– Не боитесь?

Тагильцев не понял, поэтому уточнил:

– Чего именно, Иван Емельянович?

– Сквозняка... – он усмехнулся, и многочисленные и глубокие складки хмурого лица чуть-чуть разгладились. – Пока всего лишь сквозняка.

– Ну, что вы! – воскликнул адвокат. – Наоборот, приятно.

Тагильцев самым бессовестным образом солгал. Потому что именно сквозняков-то он и боится пуще огня. Но... Не у себя ведь, чтобы устанавливать свои порядки. Придется терпеть: зачем злить зверя в его же собственной берлоге?

– Документы у вас в порядке? – спросил следователь, одновременно роясь в среднем ящике стола.

– Да... конечно... – поспешно ответил адвокат, положив перед следователем документы.

Коротаев взял лишь удостоверение личности, внимательно изучил и лишь после этого спросил:

– Тагильцев, значит, Афанасий Петрович? – адвокат кивнул. Коротаев спросил. – Вопросы?

– Их, Иван Емельянович, как вы сами понимаете, несколько.

– Начинайте с самого первого. И если у меня будет воз-

возможность, то удовлетворю ваше любопытство.

– Первый вопрос: на каком основании задержан мой подзащитный?

– На основании мною вынесенного постановления и утвержденного прокурором области. Ещё?

– Второй вопрос: почему не было испрашено разрешение на задержание от Нижнетагильской городской думы, членом которой является мой подзащитный? – Тагильцев отлично знает, каков будет ответ, но он формально обязан спросить.

– Гражданин Шилов пользуется иммунитетом лишь в пределах Нижнего Тагила. Задержали же его в пределах Екатеринбурга, точнее – неподалеку от ДК Лаврова, то есть на проспекте Космонавтов.

– Третий вопрос: что вменяется в вину моему подзащитному?

– Пока ничего, Афанасий Петрович.

– Поясните, пожалуйста.

– Обвинение, как вы сами понимаете, ему пока не предъявлено. А задержан он по подозрению в совершении тяжкого преступления, то есть убийства, имеющего отягчающие вину обстоятельства.

– А нельзя поконкретнее?

– Нет, нельзя. Сегодня в шестнадцать ноль-ноль местного времени мы едем в Орджоникидзевский районный суд, где я буду испрашивать разрешение на арест гражданина Шилова и содержание под стражей. К этому времени будет гото-

во, надо думать, предварительное обвинительное заключение. До суда вы и ваш подзащитный будут ознакомлены.

– Значит ли это, что допроса еще не было?

– Нет, не было. Правда, я встречался с задержанным. Но меня больше всего интересовало, какие вопросы имеются и какие претензии у задержанного к условиям содержания. Короче говоря, мы познакомились... Всего лишь познакомились.

– Когда и где вы намерены допросить задержанного?

– В одиннадцать. Сегодня. В изоляторе временного содержания. Это заведение, надеюсь, вам знакомо.

– На улице Фрунзе?

– Да. Рядом с городским управлением внутренних дел.

– Надеюсь, я буду допущен на процедуру допроса?

– Разумеется.

– И, пожалуй, последнее: до начала допроса остается слишком мало времени, а мне необходимо встретиться с подзащитным... Обговорить детали. Иван Емельянович, разрешите?

– Разрешу, – Коротаев взял лист писчей бумаги, лежавший слева от него, и протянул адвокату. – Возьмите письменное разрешение на встречу.

Адвокат зачем-то спросил:

– С печатью?

– Не без этого, – с легкой иронией в голосе ответил следователь и добавил. – Поспешите. Времени, действительно,

в обрез.

2

Встретили мужика на службе довольно бурно. Коллеги, судя по всему, соскучились и стали подступать с расспросами. Фомин же хмурился, скорее всего, притворялся. Он сел за свой стол и потянул носом.

– Курили? – сердито спросил он.

Майор Савичев первым вскочил со своего места, дотянулся до окна и распахнул его.

– Извини, Сергеич. Мы тут повольничали. Думали, что сегодня тебя еще не будет.

– Не хотел, – Фомин театрально развел руками, – однако генерал назначил аудиенцию. Никуда не денешься. С генералом, господа, не поспоришь. А если и поспоришь, то... Сами ведь знаете...

Савичев сочувственно кивнул.

– Да уж... А ты, Сергеич, устал, гляжу.

Фомин огорченно вздохнул.

– Не на курорте как-никак был. По правде-то говоря, рассчитывал, что побольше дадут отдохнуть, но... – он обвел коллег взглядом. – А, кстати, вы тут не слышали, зачем генерал вызывает? Вздрючить собирается или как?

Савичев ухмыльнулся.

– Мы ничего не знаем, но взяли на себя смелость предпо-

ложить, что для тебя проблем не будет.

– Почему, парни, так решили?

– Интуиция, – ответил Савичев.

Все почему-то рассмеялись. Яснее ясного: мужики знают, но молчат. Как партизаны на допросов гестапо. Фомин шумно вздохнул.

– Нехорошо, конечно, с товарищем поступаете, да ничего не поделаешь, – он встал и вышел из-за стола. – Пойду в приемную.

– Посиди еще, – предложил Савичев, – время есть.

Фомин ухмыльнулся.

– Нет уж... Лучше чуть-чуть раньше, чем чуть-чуть позже... Посижу лучше в приемной. Может, там что-то разведаю.

Он вышел. Спустился на второй этаж. Зашел в приемную. На своем месте оказался лишь помощник начальника. Он, оторвав на минуту взгляд от бумаг, сказал:

– А, Сергеич... Привет... Присаживайся, – он посмотрел на настенные часы. – Еще пять минут.

Удобно устраиваясь неподалеку от генеральской двери, Фомин ответил:

– Здравия желаю, господин майор.

– Всё ёрничаешь? – ухмыльнувшись и не поднимая глаз, спросил тот. И предупредил. – Ты с генералом поосторожнее: не в настроении он сегодня. Ненароком можно и схлопотать.

– Эт-то верно, майор. Чего хорошего – не дожدهшься, а...

Тут Фомин замолчал, потому что боковым зрением заметил, что замигала сигнальная лампочка у одного из телефонов помощника. Тот поспешно снял трубку, из чего можно было сделать вывод: САМ!

– Так точно... Сидит в приемной... Слушаюсь, – он положил трубку. Обращаясь к Фомину, полупшепотом сказал. – Иди. Уже ждет.

3

В тесную и полутемную комнатуху ввели Шилова. Выглядел он неважно. Это про себя отметил с первого взгляда Тагильцев. Шилов сел на табурет, напротив Тагильцева. Надзиратель остался стоять у дверей. Адвокат сказал:

– Любезный, оставьте нас наедине.

– Но...

– Пожалуйста, выйдите, – настойчиво повторил Тагильцев.

Надзиратель вышел. Как только за ним закрылась дверь, Шилов, обрадовано ухмыльнувшись, сказал:

– Афонь, привет... вишь ты.

По лицу адвоката пробежала тень. Не по нутру, видимо, пришлось обращение клиента, не понравилась фамильярность. Он, сдерживая себя, сухоовато заметил:

– Не брат я вам... И не сват... И, тем более, не друг лю-

безный... Поэтому обращайтесь, соблюдая приличия...

– Что ты, Афонь, в самом деле?! – Шилов с подозрением посмотрел на адвоката. – Столько лет, вишь ты, знаем друг друга; столько раз с руки кормился, – он поднял ладонь и показал. – С этой самой руки, вишь ты... скурвился, получается?

– Знать-то, да, знаем дуг друга, но не до такой степени, чтобы... Короче, Евгений Дмитриевич: вы попросили, я приехал...

Шилов, почесав отросшую черную щетину на щеках, прервал.

– Вот как? Сразу и на «вы»? Это что-то новенькое, – он покачал головой и смачно сплюнул на пол. – Как изменился, а? Ну, и народец! Не народ, вишь ты, а кобылка.

Адвокат терпеливо продолжил:

– Приехал, чтобы оказать юридическую помощь. Отсюда: отношения между нами должны быть соответствующие – отношения клиента и его адвоката. Короче, сугубо деловые отношения. Если вас не устраивает что-то, то... Я охотно уеду назад.

С минуту Шилов смотрел на Тагильцева, не мигая. Смотрел так, как смотрел бы удав на свою очередную жертву. Слишком мало прошло времени, чтобы свыкнуться ему с мыслью, что он хоть и удав все еще, однако несколько не в форме; не на столько опасен для жертвы, чтобы трепетать при каждом движении. Ситуация изменилась. Измени-

лась не вчера. А ему по-прежнему казалось, что всемогущ, что в силах сделать со всяким все, что захочет. Не знаю, понял ли Шилов что-то в течение этой паузы, однако факт: сменил форму разговора.

– Извини, – прилагая большие усилия, выдавил он из себя. – Я ведь что... Я ведь думал, что все по-прежнему...

– И не все... И не по-прежнему... И вы это, Евгений Дмитриевич, отлично знаете... Я здесь больше представляю интересы НТПС «Высокогорье», чем ваши, поскольку насчет вас – полная неопределенность... Неудобно напоминать, что вы с недавних пор всего лишь рядовой (с авторитетом, но рядовой) член сообщества.

– Не хочешь ли сказать, Афанасий Петрович, что меня кинули? Не верю! У нас другие правила. Постой, – Шилов пристально посмотрел в глаза адвоката, – а ты сообщил?.. Они знают?..

– Проинформировал. Руководство разрешило мне выехать, однако четких инструкций не дало, из чего я делаю вывод: ваша судьба – в ваших и только в ваших руках. Поймите эту простую вещь, и все будет в порядке. Привыкайте к новому положению: ничто не вечно под Луной. Даже самый лихой наездник может оказаться вышибленным из седла.

– Но если так, то зачем ты здесь?

– Профессиональный долг: вы обратились, как я понимаю, за юридической помощью, я и приехал. И если мы найдем общий язык, то... Я, пожалуй, возьмусь осуществлять

вашу защиту.

– Во что это мне обойдется? – спросил Шилов, в уме уже прикидывая некую сумму расходов.

– Все будет зависеть от обстоятельств дела, от продолжительности следствия и потом судебного процесса, от тяжести содеянного вами.

– Содеянного? Мной?! – воскликнул Шилов в изумлении.

– Ну, не мной же. Я – законопослушный гражданин, никогда с законом не конфликтовал и тем горжусь.

– А я?!

– Не знаю. Если судить по тому, что мне известно на этот час, то вас не ждет ничего хорошего.

Шилов, прищурившись, с ехидцей спросил:

– А что тебе известно?

– Долг адвоката принуждает сообщить следующее: а) в одиннадцать состоится ваш первый допрос...

– В качестве кого?

– Пока, как я понял, – в качестве подозреваемого в совершении убийства...

– Какого еще убийства? Что за чушь?!

Адвокат обратил внимание, что в голосе клиента в этот раз не было привычной твердости.

– Я не знаю, о чем идет речь, – признался адвокат, – однако, если взглянуть на ситуацию здраво, то, видимо, у прокуратуры имеются весомые доказательства. Ваше положение, Евгений Дмитриевич, очень серьезное. Впрочем, – адвокат

усмехнулся, – кому я об этом говорю? У вас сколько «хоток»?

– Три... Но это в прошлом.

– За что?

– Первая – банальная хулиганка... двести шестая...

– А две другие? – спросил адвокат.

– Разбой... Сто сорок шестая, вишь ты...

Тагильцев заметил:

– Налицо – рецидив.

– Все – в прошлом, – опять же не слишком уверенно сказал Шилов, что вновь не осталось незамеченным адвокатом.

– Евгений Дмитриевич, областная прокуратура с бухты-барахты ничего не делает.

– Ну... вишь ты... политический заказ выполняет... Коммуняки счета сводят... Я им не раз на хвосты соли-то подсыпал... в думе... Ёрзали, вишь ты...

– Хорошо, – адвокат посмотрел на свои золотые часы швейцарского производства, – ждать осталось недолго. Думаю, что скоро узнаем подробности... Не все, но кое-что узнаем. Нам же осталось лишь договорится об условиях защиты.

– Во что это мне обойдется? – Шилов повторил ранее уже заданный вопрос.

– Мы должны заключить договор...

Шилов нервно перебил адвоката.

– Подпишу любой договор... Сколько просишь?

– Гонорар скромнен: учитывая серьезность дела... Сто у. е.

Шилов поспешил уточнить:

– В месяц?

– Не шутите, Евгений Дмитриевич: ну, какой уважающий себя адвокат станет работать за сто у.е. в месяц?

– В неделю?

– И не в неделю, а в час.

Шилов опешил, поэтому переспросил:

– В час?!

– Естественно, Евгений Дмитриевич.

– Круто, Афанасий Петрович... Крутёхонько, вишь ты.

– Какова игра, таковы и ставки. Впрочем, дешевле вряд ли найдете. К тому же: не беден и потому разорение не грозит... Я так думаю.

Шилов зло сплюнул на пол.

– Нашел миллиардера.

– Миллиарда, может, и нет, но миллион-то, уж точно, наскребете... На подобное благое дело.

Шилов подумал: «Без штанов, сука, оставит». Вслух же вынужден был согласиться. По крайней мере, на этой стадии. А потом? Видно будет. В голове всплыла строчка из песни: «Сижу на нарах, как король на именинах...» В самом деле, что толку от денег, если окажусь, подумал он, на нарах? Народ прав: скупой платит дважды.

– Хорошо, – сказал Шилов вслух. – Если постараться, то получишь сверх того.

– Спасибо, но не надо... У меня еще есть одно принципиальное условие.

– Да?

– Да, – подтвердил он, сделав вид, что не заметил сарказма. – Условие следующее: за пятьсот часов платите сразу, на берегу, так сказать, еще не пустившись в плавание, а остаток – после окончания следствия.

– А на суде?.. – спросил Шилов. – Ну... Если все же дойдет до этого.

– Защиту в суде обговорим особо. Когда время придет.

– Согласен... вишь ты...

– Тогда, – адвокат достал листы белой бумаги, на которых договор был уже составлен, и положил перед клиентом, – подпишите оба экземпляра соглашения, а также подпишите доверенность на право защиты.

Шилов подписал документы, не читая. Адвокат встал.

– Хотел бы вас предупредить: я оставляю за собой право в любой момент отказаться от защиты.

– Почему? Мы же договорились? Я же принял все твои условия, Афанасий Петрович!

– Ситуация может развиваться по разному.

– Ты о чем?

– Например, вы будете вести себя не должным образом.

– «Не должным образом»? Хм... Что это значит?

– Вознамеритесь валить свое дерьмо на других, на лидеров сообщества.

– Ну, вишь ты, ты меня плохо знаешь. Хотя и кинули они меня, но я – не предатель. За свое готов отвечать.

– Мой долг предупредить. Чтобы потом не было обид. Мне терять связи с НТПС, даже во имя вашего гонорара, не с руки.

– Ну, и жук! – Шилов покачал головой и добавил. – Хочешь рыбку съесть и на х...й сесть?

– Прошу впредь обходиться без хамства. Хамство – есть неотъемлемая часть понятия «вести себя не должным образом».

– Извини.

– Итак, через сорок минут допрос, а в шестнадцать часов – суд.

Последнее слово ударило Шилова, как обухом по голове. Он вскочил с табуретки. Тотчас же открылась дверь, и вошел надзиратель.

Обращаясь к нему, адвокат сказал:

– Ничего... Все в порядке.

– Да? А я подумал...

Дверь вновь закрылась за надзирателем.

– Какой еще «суд»?! – вращая зрачками, взревел Шилов.

– Евгений Дмитриевич, знания, полученные в ваших «университетах», сильно устарели.

– Скажешь, в чем дело?

– Согласно новому УПК, санкцию на арест выдает только суд. Добавлю: прокуратура намерена меру пресечения оста-

вить без изменения, то есть содержание под стражей.

– Вон, оно что... А нельзя что-то сделать? Ну, может, заявить ходатайство насчет освобождения под подписку о невыезде... И залог готов внести.

– Вряд ли что из этого выйдет: слишком тяжкое обвинение собираются предъявить. Однако я, со своей стороны, заявлю ходатайство. Это – мое право. Откажет суд – подам апелляцию в надзорную инстанцию. Не сомневайтесь, дремать не буду.

– Но... Может, еще что-то... За ценой не постою... «Курдюка» ведь отпустили... Может, попробовать и этот способ, а?

– Вы о Курдюкове, что ли?

– О нем.

Адвокат рассмеялся.

– Это вам не Тагил, а Екатеринбург. Здесь ставки такие, что вам и не снились. К тому же я ничем подобным заниматься не стану.

– Но тот адвокат... За дополнительную ведь плату...

– Тот согласился, я – никогда и ни за какие деньги. И, пожалуйста, насчет подкупа ко мне больше не обращайтесь. Совершенно бесполезно. Я осуществляю адвокатскую деятельность строго в рамках закона, – Тагильцев усмехнулся. – С адвокатом вам не повезло.

– Если бы только с ним, – вздохнув, пробурчал Шилов.

Адвокат сочувственно сказал:

– А и правда: вам, Евгений Дмитриевич, крупно не повезло и со следователем.

– Ты что-то знаешь?

– Положено знать.

– И что?

– Зверь умный, хитрый и сильный: угодивший к нему в лапы, уж не вырвется.

Шилов тотчас же предложил:

– А не заявить ли ходатайство об отводе, а? – Шилов с надеждой смотрел в глаза адвоката.

– Не тешьте себя иллюзиями.

– Почему?

– Чтобы заявить отвод следователю, надо иметь на руках крупные козыри. Их, эти самые козыри, следователь, я уверен, нам не даст в руки.

– Никакой надежды?

– Нет.

– Полная безнадёга. Что ты за адвокат, если ничего не можешь сделать?

Адвокат усмехнулся.

– Во-первых, цыплят по осени считают. Во-вторых, вы вправе на любой стадии разорвать договор и потребовать замены адвоката. На это даже никаких аргументов не требуется. Достаточно заявить ходатайство и оно тотчас же будет удовлетворено.

– Нет, что ты! Я же, вишь ты, так просто сказал.

Майор Савичев, появившись в кабинете, положил на стол какие-то бумаги, а, взглянув в сторону Фомина, что-то сосредоточенно чертившего и сопевшего носом, спросил:

– Над чем, коллега, маракуешь? Или вновь, только объявившись, наострил лыжи?

Фомин поднял глаза.

– План действий намечаю. Начальство требует.

– Уж не генерал ли, Сергеич?

Фомин рассмеялся.

– Пошутил я. Нужен мой план генералу, как лошади пятая нога. Ему что? Приказал и иди, выполняй. На что и голова у подчиненного, чтобы самостоятельно соображать, мозгами шевелить, заставлять извилины работать.

– Начальству, в самом деле, легче.

Фомин загадочно ухмыльнулся.

– Как мудро выразился один из героев Юлиана Семенова, ценные указания способна давать даже дрессированная шимпанзе. Но, – Фомин приставил палец к губам, – это сугубо между нами. – В нашем управлении подобных шимпанзе, к счастью, не водится. У других – да, но только не у нас – это святое.

Савичев рассмеялся.

– Перестраховщик несчастный. И хлестко сказать хочет-

ся, и, одновременно, боязно.

Фомин согласно кивнул и вновь углубился в почеркушки. Савичев, правда, не собирался его оставлять в покое.

– Коллега, нехорошо оставлять вопрос без ответа, – напомнил он.

– Да? Не помню.

– Скажи: наострил лыжи или нет?

– Навострил, господин майор, еще как наострил. Однако не я, а мне наострили и даже четкую и понятную лыжную проложили.

– И куда в этот раз?

– Адрес, увы, – Фомин шумно вздохнул, – прежний. Тагил и тагильчане у меня уже в печёнках сидят.

– Отказался бы.

Фомин недовольно хмыкнул.

– Хотел бы я на тебя посмотреть... Будто не отказывался я... Еще как отказывался. Генерал ничего слушать не хочет. Пустил последний аргумент, но и он не помог.

– Что еще за «аргумент», Сергеич?

– Рапорт, говорю, об отставке написал. Устал, говорю. Душа, говорю, покоя требует.

– А что генерал?

– Рапорт, сердясь, заявил Краснов, может и полежать месячишко, другой в кадрах. Доведешь, говорит, дело до логического конца, то есть вместо многоточия поставишь жирную точку, и – гуляй себе.

– Он, знаешь, прав.

Фомин недовольно фыркнул.

– Майор, какая передо мной стояла задача? – спросил Фомин, и сам же себе ответил. – Ответить на вопрос, куда подевался главарь банды Курдюков?

– И ответил? – подтрунивая, спросил Савичев.

– Да, ответил. Ответил четко и ясно. Что еще-то надо от меня, а?

– Генералу надо, чтобы именно ты, а не кто-то другой, работал и во время следствия. Тебе и только тебе все карты в руки.

Фомин махнул рукой.

– Слышал я это.

– Тем более. Кстати: следователь Коротаев настаивал на твоей кандидатуре. Даже, будто бы, требовал.

– Не преувеличивай.

– Правду говорю. Говорю то, что своими ушами слышал.

– И что ему в голову взбрело, а? Я же в его бригадах никогда не работал. Бог миловал.

– Характер, конечно, у Коротаева не сахар, но работать с ним можно, – сказал Савичев. – Главное – человек надежный, а это немало.

Фомин хмыкнул.

– Если про характер говорить, то у меня он, пожалуй, похуже будет. Звонил ему. Хотел встретиться. Отказал. Сегодня, говорит, не смогу. Сначала, говорит, первичный до-

прос задержанного, а потом надо подготовить предварительное обвинительное заключение и в суд за санкцией на арест. Сейчас, говорит, с кондачка не пройдет: судье лапши на уши не навесишь. Ему нужны факты. И факты весомые. А иначе, говорит, судья может прямо в зале суда выпустить на свободу. Гоняйся, говорит, потом по миру, – Фомин снова хмыкнул. – Гоняться-то, между прочим, не ему придется, а нам, сыщикам.

– С этим сложнее стало, – согласился майор Савичев.

– Да, сложнее, но цивилизованнее, – заметил Фомин.

– А кто спорит? Но мы не готовы.

– Мы никогда не будем готовы... Пока жареный петух в задницу не клюнет, – сердито сказал Фомин и снова углубился в свое занятие.

На этот раз майор Савичев не стал коллегу отвлекать разговорами. Хотя разговаривать с Фоминым ему очень нравилось. И, будь время, днями бы обсуждал актуальные проблемы проходящей в России правовой реформы. И, вообще, за жизнь с ним интересно поболтать: умно мыслит, грамотно излагает. Слушать и спорить даже – одно удовольствие. Редкость это в той среде, где майор Савичев вращается. Пока редкость. Но, Бог даст, скоро все изменится. Он, Савичев, в это хотел бы верить. Ну, а как будет на самом деле – время покажет.

Кабинет для допросов изолятора временного содержания. После довольно благополучного завершения формальных процедур Коротаев решил сделать минутную паузу. Их было лишь трое, не считая двоих конвоиров: он, следователь, задержанный и его адвокат. Адвокат ведет себя разумно, а вот его подзащитный явно нервничает, все время злобно вращает зрачками и фыркает. Но это следователя не тревожит. Повидал на своем веку разных и его вряд ли чем-то или кем-то можно удивить. Вначале-то все так фыркают, но со временем, пообвыкнув, становятся вполне приличными людьми. И даже охотно начинают сотрудничать со следствием. Правда, это случается лишь в том случае, если почувствуют твердую руку следователя, не оставляющего никакого шанса на слабинку.

– Ну-с, продолжим? – спросил Коротаев, остановившись взглядом дольше всего на лице подозреваемого. Тот, не выдержав, отвел глаза в сторону. Но промолчал. Промолчал и адвокат. – Вы, гражданин Шилов, подозреваетесь в том, что зверски убили лидера своего преступного сообщества Курдюкова, – услышав фамилию, Шилов облегченно вздохнул. Следователь сделал вывод: подозреваемый готовился услышать другое. Но что? И отчего столь откровенное облегчение? Вон, даже спину выпрямил, расслабился, хотя еще минуту назад сидел весь собравшийся в комок. – Что скажете, гражданин Шилов?

– А что я могу сказать? Мне нечего, вишь ты, сказать. Подобную ересь, что ли, комментировать?

– Значит, отрицаете сам факт?

Вмешался адвокат, хотя сообщение следователя его здорово шокировало:

– Подзащитный, вы вправе не отвечать на вопросы, если они ущемляют ваши конституционные права и могут ухудшить ваше положение.

– Благодарю адвоката, что он еще раз заострил внимание на конституционной норме, хотя вряд ли стоило это делать, поскольку в самом начале я разъяснил задержанному это конституционное право и он принял, как я понял, к сведению.

– Повторение – мать учения, – заметил адвокат и замолчал.

– Гражданин Шилов, а вы что скажете?

– Мне по-прежнему нечего сказать: я никого и никогда не убивал.

– Пусть так, но вы не станете же отрицать, что были близко знакомы с Курдюковым?

– Господин полковник, – вновь вмешался Тагильцев, – факт знакомства – не есть факт, могущий служить доказательством убийства.

Коротаев легко согласился с возражением адвоката, так как из его вопроса и на самом деле вытекала некая логическая связь между убийством и знакомством с убитым. Ко-

ротаев отметил про себя, что адвокат хоть и из провинции, но дело свое знает и с ним надо быть беспрестанно начеку. Что ж, и на старуху бывает проруха. Коротаев решил поправить ситуацию.

– Я лишь хотел знать, в какой мере и до какой черты простирается отрицание очевидного.

– Господин следователь, то, что очевидно для вас, вовсе не означает, что в той же мере должно быть очевидным для моего подзащитного.

Шилов начал прозревать насчет адвоката. Да, он и раньше слышал хорошие отзывы о профессионализме Тагильцева, но чтобы вот так, цепляться за каждую фразу следователя? И, судя по всему, цепляется правильно, потому что следователь терпит, возможно, даже соглашается. А этот, старый пень, вряд ли бы позволил провинциальному адвокатишке так вести себя, если бы... Он подумал: «Афонька-то хоть и берет по-крупному, но и работает ведь насовесть».

– И тем не менее... Прошу ответить: были ли знакомы с Курдюковым и если да, то в какой мере?

Шилов пожал плечами.

– Знаком. «Курдюк»...

– «Курдюк» – это кличка Курдюкова?

Шилов кивнул.

– Курдюков, вишь ты, был нашим признанным лидером.

– В какой сфере он лидировал?

– Ну, вишь ты... По-разному... Во всем...

– Не хотите ли сказать, что Курдюков возглавлял ваше сообщество?

– Не сообщество, а союз, – поспешил поправить адвокат.

– Так, возглавлял Курдюков ваш союз или нет?

– Да.

– Но, насколько мне известно, он не был сопредседателем, как, допустим вы, гражданин Шилов.

– Он... это... вишь ты... не по бумагам, а на самом деле... фактически.

– Следует ли вас понимать так, что он считался неформальным лидером? И, по сути, стоял во главе?

– Да. В авторитете был.

– Какие взаимоотношения существовали между вами и Курдюковым?

– Хорошие, вишь ты... Но потом... – Шилов остановился и посмотрел на адвоката, который растерянно качал головой. Догадался Шилов, что понесло не туда.

Но следователь уцепился.

– Что же было потом? Ваши отношения испортились, да? Что послужило причиной?

Шилов не знал, что ему делать в этой ситуации, поэтому растерялся. Но, собравшись, он сказал:

– Гражданин следователь, ну... вишь ты... это... значит...

– Что вы хотите сказать?

Адвокат пришел снова на помощь.

– Господин полковник, мне нужно посоветоваться с подза-

щитным, поэтому прошу вас объявить пятиминутный перерыв.

– Охотно бы отказал в просьбе, но не имею права, – спокойно сказал Коротаев и вышел из помещения, оставив подозреваемого и его адвоката один на один.

Следователь вернулся точно через пять минут. Он спросил:

– Ну-с, посовещались? – оба кивнули. – Мне напомнить вопросы, на которые я не получил ответы?

– Не надо, вишь ты...

– Что значит «не надо», гражданин Шилов?

– Я отказываюсь отвечать на вопросы.

– Вы хотите воспользоваться своим конституционным правом?

– Да.

– Это ваше право, но мне жаль вас. Потому что чистосердечное раскаяние и содействие следствию – есть смягчающие вину обстоятельства. Отказ отвечать на вопросы, хоть и конституционная норма, ничуть не облегчает конкретно вашу участь. Впрочем, повторяю, это ваше право. Однако я, как следователь, все же обязан задать все интересующие меня сегодня вопросы.

– Скажите: только у вас, гражданин Шилов, ухудшились отношения с Курдюковым или у других сопредседателей тоже?

В ответ – молчание.

– Скажите: кому принадлежит инициатива убрать ставшего негодным лидера?

В ответ – молчание.

– Скажите: обсуждался ли вопрос ликвидации Курдюкова на заседании правления НТПС? И если обсуждался, то какую позицию заняли другие сопредседатели?

Ничего, кроме молчания.

– Скажите: кто является автором плана злодейского убийства Курдюкова?

Все то же самое.

– Скажите: кто является непосредственным исполнителем и какова лично ваша роль, гражданин Шилов?

По-прежнему – ни единого слова и даже, как показалось следователю, допрашиваемый не проявляет никакого беспокойства. Хотя чувствовалось, что подозреваемый с трудом сдерживается.

– И, на сегодня, последний вопрос: назовите точное время и место убийства, в совершении которого вы подозреваетесь? – подождав несколько секунд, Коротаев продолжил. – Ответа нет и не будет. Но это не такая уж большая беда. Имею в виду, для следствия... В результате проведения доследственных оперативно-розыскных мероприятий в Нижнем Тагиле группой уголовного розыска, возглавляемой подполковником Фоминым Александром Сергеевичем, установлено следующее...

Коротаев коротко изложил суть, не забыв, там, где это

необходимо, указать и конкретные факты. Правда, далеко не все. У следователя не было пока острой необходимости раскрывать все козырные карты.

– Исходя из всего здесь мною изложенного, я принимаю решение предъявить вам, гражданин Шилов, обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктами «д» и «ж» части второй статьи сто пять Уголовного кодекса Российской Федерации. И, в связи с этим, решил обратиться в Орджоникидзевский районный суд с просьбой дать согласие на ваш арест, на дальнейшее содержание вас под стражей, но уже в качестве обвиняемого. Вопрос будет рассмотрен в суде сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Если у вас, обвиняемый, и у вас, адвокат, имеются ходатайства, то вы их сможете огласить в суде. Все понятно? Тогда, пожалуйста, подпишите протокол допроса, а также распишитесь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Даже в этой ситуации Шилов был спокоен. Он подписал бумаги, после чего поставил подписи и адвокат.

– На этом первая стадия закончена. Встретимся в суде.

Коротаев, возвращаясь к себе, все время вспоминал тот момент, с которого Шилов неожиданно успокоился. Ему хотелось разгадать причину, но ничего разумного в голову не лезло. Он допускает, что неопределенность угнетает человека, поэтому, узнав истину, он несколько успокаивается. Но тот ли это случай? Нет ли еще чего-то, способствовавшего успокоению? Адвокат, пообещавший вытащить? Ну,

в это трудно поверить. Как показалось Коротаеву, адвокат – человек умный, и тешить подзащитного несбыточными иллюзиями не станет. Коротаеву также показалось, что адвокат не имел представления о характере деяний подзащитного и, кажется, в один момент испытал шок. Но что послужило причиной? Хотя... Может, ему всего лишь показалось.

6

У Фомина на столе затрещал телефон. Он снял трубку.
– Подполковник Фомин... Еще раз здравствуйте... Так... так... Отлично... Значит, не удалось вывернуться?.. Адвокат хороший?.. Понятно: когда есть деньги, то... Да, вот, сижу, соображаю... Готовлюсь... А... Ну, да... У меня есть предложения насчет группы поддержки... Я с ними уже работал... Им, как и мне, не потребуется время для вхождения в курс дела... Еще следователей?.. Я не знаю... Как ведь вы решите... В Тагиле?.. Есть приличные... Да... И в прокуратуре... Например, Овсянников... Я готов... Готов, говорю, выехать по первому требованию... Если без требований?.. Могу и без них... Как будет угодно, господин полковник... Я тоже так считаю, что сработаемся... Правда, иногда я бываю несносен... Ну, на что руководитель оперативно-следственной группы, чтобы сдерживать ретивых, осаживать, если надо... Что вы!.. Я не из обидчивых... Да... Конечно... Завтра?.. А во сколько?.. Буду, обязательно буду...

Что вы такое говорите, Иван Емельянович!? Не переломлюсь... И мне сподручнее... Удобнее и привычнее... Да?... Надо же... Совпадение какое... Очень простое совпадение: я ведь тоже решил, что это мое последнее дело... Решено... Да... Нет, не передумую... Теперь уж все!.. Решение принял давно, но генерал Краснов никак не соглашается... Нет-нет, в этот раз, повторяю, все!.. Я могу быть упрямым... Даже очень-очень упрямым... На подобии осла... Серьезный мой недостаток... Горбатого могила исправит... А вы, Иван Емельянович, когда намерены выехать?.. Понимаю, что у каждого следователя своя тактика и стратегия... Жаль Алексева... Мужик был, что надо... в смысле, что был в прокуратуре и не стало... Скучает, наверное... Думаете, нет?.. Собирается чем-то заняться?.. Он только так говорит... Пару месяцев поотдыхает и станет искать работу... Я – тоже... Есть идея... Да... Хочу попробовать открыть в Екатеринбурге частное сыскное агентство... Не смейтесь: я совершенно серьезно... Пока...

Глава 3. Бедняжка

1

Тагильцев, сняв ветровку, расправив ее, огляделся, увидев сбоку вешалку, повесил. Посмотрелся в овальное настенное зеркало, висевшее в прихожей, пригладил волосы. Пригладил, скорее, по укоренившейся с годами привычке, оставшейся с прежних времен, чем по необходимости: как он сам подтрунивает над собой, умный волос давно уж покинул дурную голову.

Хозяйка стояла неподалеку, и в глазах женщины светилось тревожное ожидание.

– Итак, приступим? – хозяйка ничего не сказала, а лишь кивнула: делайте, мол, как хотите. Адвокат спросил. – Где мы сможем поговорить?

– Наверное, там, – хозяйка показала рукой на полуприкрытую дверь одной из комнат. – Проходите.

Адвокат, войдя, огляделся и сразу отметил: довольно скромно и старомодно; мог бы его клиент обставить гостиную, а это, очевидно, была именно она, и получше. Несмотря на богатство, свалившееся невесть откуда на семью, чувствовался соответствующий эстетический уровень – уровень самого натурального советского обывателя: чистенько, конечно, но безвкусно. И полукруглый полированный стол, стоя-

щий по середине гостиной, стоящий, наверное, тут лет двадцать, но никак не меньше, – наглядное тому доказательство: анахронизм, оставшийся от прошлого.

Адвокат, взяв за спинку один из стульев, выдвинул из-под стола и сел. Хозяйка, скрестив руки на груди, стояла неподалеку. Стояла и по-прежнему молчала. Стояла и не знала, чего ждать от визита адвоката. Сердце, правда, с утра ноет. Значит, предвещает беду. Ее Женька, она и не собирается спорить, – отморозок, но он законный ее муж и этим все сказано.

Адвокат поднял глаза на женщину:

– Вы бы присели: неудобно так-то.

Женщина присела. Но не за стол, а на краешек дивана, также старомодного, стоявшего у стены, слева.

– Как вам я уже говорил, Анна Егоровна, – начал Тагильцев, – вчера ездил в область, – та все также, молча, кивнула. – Мне жаль, но у меня для вас плохие новости...

– Хорошего ждать не приходится... Что-то полудурок натворил, да?

Полудурком жена часто называла мужа, в глаза – тоже. Для этого были причины. Первые два года, вроде, жили ничего: мужик работал автослесарем на автобазе и деньги приносил домой неплохие. По тем временам, конечно. Приносил все, до копеечки. Но был, очевидно, левак, то есть халтурка. Так что в карманах мужа водились деньжата. А где деньги, там и дружки-приятели, собутыльники. Стал часто

приходить под хмельком, а после и вовсе вдрызг пьяным. Пыталась урезонить. Даже в профком (тогда это широко практиковалось) обращалась. Все без толку. В конце концов, жена махнула рукой: не переделаешь. Ушла бы, но была уже дочь, а через год – еще и сын. Терпеливо стала нести свой крест. Сейчас-то дети взрослые, живут самостоятельно. Но какой смысл уходить? Столько лет прожито. Оба уже немолодые. Под старость-то ей одной куковать, что ли? Да и то обстоятельство, что в последние годы жить стали безбедно, являлось существенным сдерживающим эмоцию, которые, конечно же, одолевали жену. Груб стал не в меру. Нет, не дрался дома (ну, может, пару раз руку поднял на нее за всю-то жизнь), но другие бабы, вон, каждый день в синяках. И что? Даже они терпят, а она? Ничего, не хрустальная. Зато... Именной валютный счет в Сбербанке. Прилично на ее счете. Детям даже в силах помогать: обоим по иномарке купила. Она живет в реальном мире. Она слышала, до нее доходили сплетни (Нижний Тагил хоть и приличный город, но когда живешь в нем с рождения и до старости, то все равно люди примелькались, куча знакомых), будто то, чем занимается ее Женька, – криминал, будто деньги, что сейчас несет домой, нетрудовые, как часто по телевизору говорят, грязные. Но ей-то что до того? Она не вникает в дела мужа. Его дела – ей по боку. Он – не ангел. Кому-кому, а ей-то известно. Трижды уж успел побывать там, где Макар телят не пас. Бандит, одним словом. Бандит, да, но куда все

несет? В дом да в дом! Другие-то как? А так: из дому да из дому! Плох муж, но не из худших, нет не из худших. Врать не станет: лучше бы жить скромно, но спокойно, без опаски за будущее. Но... Что есть, то есть. Иного ей не дано. Надо жить, точнее – доживать. Вон, вот-вот наступит срок выхода на пенсию. Смехотворная, ясно, пенсия, но тем не менее... Есть хоть какая-то социальная гарантия.

Адвокат, сделав небольшую паузу, ответил на вопрос женщины и, как он понимает, несчастной жены.

– Вчера суд заменил вашему мужу задержание на арест...

– За что все-таки?

– Прокуратурой ему предъявлено обвинение в убийстве...

– В убийстве?! – воскликнула Анна Егоровна. – Этого не может быть... Может, и подонок, но, нет, не убийца.

– Увы, – Тагильцев развел руками, – но следствие считает иначе.

– Но... кого? Кого мог «замочить»?

Это специфичное слово женщине знакомо, потому что является неотъемлемой частью словарного запаса мужа. Впрочем, только ли? Вся Россия слышала, как нынешний Президент огромной страны, под рукой у которого миллионы боеспособных «штыков», обещал «мочить» в сортире чеченских бандитов. Много лет, правда, «мочит» (в сортире, наверное, тоже), однако меньше что-то не становится. Даже главари, верхушка преспокойно живут на вверенной Президенту территории. Живут и на судьбу не жалуются. Значит,

не испытывают особых неудобств. По мнению Анны Егоровны, «мочат»... Но не чеченских бандитов, а русских пацанёнок. «Мочат» десятками, если не сотнями. Ей, честно говоря, жаль ребятшек.

Тагильцев не стал отвечать, а, наоборот, сам спросил:

– Анна Егоровна, за последние месяцы вы не слышали от мужа такую фамилию, как Фомин? Может, говорил что-то, а?

– Фомин? – переспросила женщина, стараясь вспомнить. – Нет, не слышала. А что? Его?..

– Если бы, – адвокат усмехнулся.

– Фомин этот, что, из числа?..

– Фомин – человек не его круга. Неужели муж ни разу не обмолвился? Ведь Фомин столько времени копал под него...

– Под Женьку, что ли?

– Именно.

– Гляди-ка... Нет, никогда.... Ни слова, ни полслова...

Конкурент, что ли?

Адвокат снова усмехнулся.

– Можно и так сказать.

– Афанасий Петрович, вы все загадками говорите... Пойдите, – женщина хлопнула по колену ладошкой. – Уж не тот ли милиционер, что... Нет, не от мужа слышала... В «Тагильском труженике» читала... Будто тот ищет следы исчезновения Курдюкова... Будто все безрезультатно. Он?

Адвокат подтвердил:

– Фомин – тот самый подполковник из областного уголовного розыска.

– Ну и... Что-то выяснил? Узнал, где сейчас Курдюков.

– Узнал, получается...

– И где он? Не на Канарах ли? – про Канары женщина тоже вычитала в газетах. Именно там, по мысли журналистов, обычно греют пузо толстосумы.

– Нет... к сожалению... Может, и не так, но следовательно считает, что Курдюков убит...

– Убит? Смелый, наверное, если на такого руку поднял.

– А вы разве знали Курдюкова? – спросил адвокат.

– Не без этого. Курдюков же – друг Женьки, хороший, судя по всему, друг. Он в гостях у нас бывал. Пировали. Я уходила обычно на кухню, потому что нечего было слушать: оба такие матерщинники, что уши вянут. Приличного анекдота, наверное, за всю жизнь друг другу не рассказали. Один другого стоят.

– Наверное, – многозначительно сказал Тагильцев.

– Почему «наверное»? Вы обоих должны знать.

– Должен, но не обязан, – сердито заметил адвокат.

– Что я такого сказала, Афанасий Петрович?.. Вы же работаете...

– Да, работаю, но я не был близок ни к вашему мужу, ни, тем более, к Курдюкову, – и уточнил. – Ни с кем из верхушки не был близок. Да мне и ни к чему. Моя область приложения

сил – в плоскости юридической: осуществлять защиту, если понадобится; иск подать в суд, если хозяйствующий субъект не отличается добросовестностью; проконсультировать, что лежит в плоскости закона, а что далеко выходит за его границы.

Анна Егоровна шутливо погрозила адвокату пальцем.

– А вы ведь так и не сказали, кто убил Курдюкова.

– Не сказал? – притворился удивленным адвокат. – Надо же...

– Не уходите в сторону, Афанасий Петрович.

– История такая... Курдюкова убил ваш муж...

– Муж? Мой Женька?! Ахинея!

– Увы, но так считает прокуратура. Но права она или ошибается – покажет следствие.

– Погодите, Афанасий Петрович: из-за убийства и арестован Женька?!

– Точно так.

– Ерунда какая-то... Они же друзья.

– Друзья тоже иногда убивают друг друга.

– Скажите, как это случилось? Бабёшку, поди, не поделили?

– Я пока ничего не знаю. Но вы назвали интересный мотив... Надо будет покопаться.

Анна Егоровна решительно замотала головой.

– Нет, все-таки я вам прямо скажу: это ошибка. Вот увидите, что ошибка.

– Хотел бы верить, – адвокат вздохнул, – но оснований для оптимизма нет.

– Вы... вы знаете больше, чем говорите.

– Это понятно... Профессиональный долг адвоката... Есть такое понятие, как тайна следствия, – Тагильцев вновь тяжело вздохнул. – Впрочем, я пришел к вам лишь проинформировать. Проинформировать в той мере, в какой мне закон позволяет.

Хозяйка огорченно заметила:

– Хороший адвокат понадобится... Искать придется.

– С этим погодите.

– Почему?

– Ваш муж со мной заключил договор, и я пока намерен вести защиту. Потом? Не знаю.

– А что вас смущает?

– Ваш муж может нарушить условия.

– Бойтесь, что останется в долгу? Не заплатит?

– Не в этом дело. Точнее – не столько в этом дело.

– А в чем?

– Ну... Об этом – не будем.

Адвокат встал. Встала с дивана и хозяйка. Она сказала:

– Поеду... Сейчас же поеду...

– Куда вы собрались?

– В область. На свиданку с мужем. Скажите, где он?

– В СИЗО номер два.

– Там, где церковь?

– Рядом. Но ехать, Анна Егоровна, нет смысла.

– Почему?

– Я вам говорю.

– Почему?

– Свидание с мужем возможно лишь с разрешения следователя...

– Не беда: пойду к следователю, буду просить.

– Вряд ли разрешит.

Женщина все также настойчиво повторила:

– Попрошу, хорошо попрошу – разрешит.

– Смотрите, конечно, но съездите зря.

– Увидим... Да, Афанасий Петрович, как фамилия следователя?

– Кортаев Иван Емельянович.

Женщина повторила, чтобы лучше запомнить:

– Кортаев Иван Емельянович... Это где?

– Неподалеку от СИЗО... Рядом с областным судом...

– Областной суд? Я знаю... Последний раз там мужа судили. Найду.

В прихожей, надевая ветровку, вновь пригладив на голове несуществующие волосы, Тагильцев, прощаясь, сказал:

– Я буду держать вас в курсе дела... В той мере, в какой это возможно. Приедете из Екатеринбурга, брякните мне. Я не верю в возможность свидания, но... Чем черт не шутит, когда Бог спит?

– Обязательно позвоню. Чувствую, что нам придется ча-

сто и много общаться. История-то не на час, — женщина грустно усмехнулась.

2

Фомин, подумав, решил чуть-чуть прогуляться по городу. Последнее время не видит он города; скоро перестанет в нем ориентироваться; сотрется из памяти, где и какая улица. Галчонок тоже самое твердит. Впрочем, не совсем то: жена убеждена, что не за горами то время, когда он и домашний свой адрес будет узнавать в справочной службе. А что? Еще пару-тройку таких командировок и все. Город-то, в котором он родился, рос и теперь вот двадцать один год служит, меняется неузнаваемо. Екатеринбург, чтобы там ни говорили красно-розовые из администрации области, хорошеет, с каждым днем все больше походит на европейский город, на цивилизованный город. Фомину перемены нравятся. Он одобряет (в целом, ясно) деятельность мэра, потому что мужик, по мнению Фомина, старается идти в нужном для екатеринбуржцев направлении. Это, как он считает, тот самый редкий случай, когда не грех и на третий срок избрать: пусть работает. И выберут, наверное. Хотя обложили мужика со всех сторон. Все хотят быть на его, мэрском месте. Зарятся. Легко, думают, и просто? Ерунда!.. Поливают мужика. Льют из всех поганных ведер. Дело дошло до того, что красно-розовые собрали у подножия своего вождя, что на глав-

ной городской площади, митинг, на котором призывали горожан, в знак протеста, домашнее дерьмо выбрасывать из окон квартир. Надо же до такого додуматься?! Мэр пробует приучить людей, чтобы те (на самый крайний случай) хотя бы мусор доносили до контейнеров, а не валили у подъездов. А нашим что? Только то и надо: полетело дерьмо из окон многоэтажек, подхватываемое ветром и разносимое по городу. Советского человека на хорошее не подвигнуть, на уборку придомовой территории не дозовешься, а гадить... Ну, на это мы горазды. Можем и без призывов. Правда, с призывами поудобнее: будто не засранцы, а политические противники, демонстрирующие свою неприязнь «олигархическому капитализму», с которым, видимо, олицетворяют мэра. Не любят красно-розовые город, пренебрежительны и к людям, его населяющим...

Он вышел из управления, неспешно прошел по улице Сакко и Ванцетти, вышел на Малышева, повернул направо и скоро уперся в здание областного суда, по левую сторону от которого стоит неказистое здание. Кто в нем только не обитал. Была когда-то (и Фомин это помнит) редакция журнала советских хлеборобов – «Уральские нивы». Потом (журнал, наверное, приказал долго жить) разместили городскую прокуратуру. Но для городской прокуратуры отвели здание бывшего детского сада, и здесь разместили (в тесных клетушках, чуть-чуть подремонтировав) отдел по расследованию убийств, то есть следователей областной проку-

ратуры. Для них, для следователей, не хватило места в кирпичном здании, построенном уже в новые времена на Московской. Для них, посчитала власть, слишком жирно будет. Так, видимо, ценится труд следователя. Помощнику областного прокурора по связям с общественностью в новом здании нашлось место, а следователю – нет. А ведь на каждом углу слышен зычный глас власти: следователь – ключевая фигура в деятельности правоохранительных органов. Болтология! Такие, вот, нынче времена. Впрочем, они не только нынешние, а и прошлые. Общество меняется, но здесь, в мозгах чиновника от прокуратуры, все по-прежнему: думают одно, говорят другое, а делают третье. И чванливы до ужаса. Впрочем (Фомин не хочет быть несправедливым), только ли всё без перемен у прокурорских? А в его родном ведомстве? А в судах? Парадокс: низы-то всех названных структур давно осознали, что так дальше жить нельзя и готовы к переменам, не прочь, чтобы наступили иные времена, но верхи... Низы могут, а верхи не хотят. Потому что верхам так удобнее. И привычнее. И выгоднее даже.

Подполковник Фомин постучал в дверь. И тотчас же услышал голос с хрипотцой:

– Да-да, входите.

Получив соизволение, вошел. Полковник юстиции Коротаев, увидев его, быстренько встал и направился к нему, на ходу протягивая руку для приветствия.

– Очень рад. Проходи. Присаживайся.

Фомин подозрительным взглядом окинул единственный стул.

– А выдюжит?

Коротаев, смерив взглядом могучую фигуру подполковника, а потом и обветшавший стул, усмехнулся:

– А ты поаккуратнее.

Фомин, предприняв все меры предосторожности, опустился на стул. Стул пискнул, но устоял – уже хорошо.

Коротаев присел на свое место, посмотрев в глаза подполковника, сказал:

– Давай, Сергеич, если не возражаешь, сразу станем на «ты»?

– Как будет угодно полковнику юстиции, – в своей привычной манере ответил Фомин.

Об этой манере, манере легкого ёрничания, Коротаев слышан, поэтому никак не прореагировал, но добавил, пытаясь объяснить, почему необходим переход на «ты»:

– Нам быть не один месяц в одной связке, поэтому будет удобнее. К тому же изначальный паритет сторон – в нашем деле благо.

– Нет вопросов, Иван Емельянович.

– Судьба нас свела... К сожалению, лишь на закате...

Фомин рассмеялся:

– Судьба ли?..

Коротаев также повеселел, и тяжелые складки лица стали менее выразительны.

– Нет, дело вовсе не в судьбе. Захарыч рекомендовал. Сказал, что лучшего лица, отвечающего в оперативно-следственной бригаде за сыск, не найти.

– Полковник Алексеев, как всегда, преувеличил.

Коротаев возразил:

– На него не похоже. Его рекомендация – для меня все! Верю абсолютно.

– Вам виднее.

Коротаев сдвинул к переносице брови.

– Мы договорились или?..

– Извини, Иван Емельянович.

– То-то же, – Коротаев в шутку погрозил пальцем. – Ну, Сергеич, с чем пришел?

– Прежде всего, пришел, чтобы рекомендовать включить в оперативно-следственную бригаду (от уголовного розыска) капитана Курбатова, старшего оперуполномоченного УгРо области, старшего лейтенанта Самарина, старшего оперуполномоченного УгРо Нижнего Тагила, капитана Комарова, эксперта-криминалиста областной экспертно-криминалистической лаборатории... И других, чтобы были на подхвате.

– Доверяешь?

– Так точно. Им – полностью. И потом: исхожу из интересов дела. Курбатов или тот же Самарин активно участвовали в проведении доследственных действий, поэтому с ними не будет проблем. Мужики грамотные и честные, а эти качества по нынешним временам дефицитны.

– Со своим начальством согласовал?

– Да, – Фомин достал из тонкой картонной папочки лист бумаги и протянул следователю. – Как положено. Все формальности налицо.

Коротаев, даже не взглянув в бумагу, отложил в сторону.

– Есть мысли, Сергеич?..

– Есть. Но не знаю, как вы... как ты отнесешься.

– Если мысли стоящие, а в этом я не сомневаюсь, то отнесусь положительно.

– Хорошо... Ясно, что Шилов в наших руках, но не стоит суживать рамки. Шилов, да, убил Курдюкова – это я так считаю. Но дело тут не только и не столько в Курдюкове. Есть смысл посмотреть пошире. У вас наши рапорты. Но в них (задача передо мной стояла предельно узкая) кое-чего нет. Ряд «ниточек» оборваны, но их кончики мне известны и они в надежных руках.

Коротаев весело поинтересовался:

– Как я понимаю, надежные руки – это твои, да?

– Похоже на то, – попытавшись поскромничать, ответил Фомин, а потом продолжил. – Эти искусственно оборванные ниточки, думаю, следует собрать, связать узелком в один пучок. Так-то разматывать удобнее. Не запутаемся.

Коротаев внимательно слушал и все время согласно кивал, давая понять, что течение мыслей сыщика ему понятно. Фомин закончил. Коротаев сделал какую-то пометку в ежедневнике, лежавшем открытым перед ним, и спросил:

– Когда думаешь выехать?

– Хоть завтра. Если не возражаешь, то командировочные удостоверения выписать...

– Я не только не возражаю, но и приветствую.

Фомин встал.

– Если так, то завтра же едем. А ты, Иван Емельянович?

– Я задержусь. Есть здесь дела. Подъеду позднее, – он хитро посмотрел на Фомина. – Без меня, что, никак?..

– Нет, Иван Емельянович, мы кое-что можем и самостоятельно.

– Отлично, Сергеич. К тому же... Теперь тебе будет легче... В рамках возбужденного уголовного дела... Да и следователь Овсянников на месте и в курсе.

– Я могу, Иван Емельянович, действовать от вашего имени?

– Действуй смело, без оглядки.

– Хорошо, что доверяешь.

– Если по уму, то... Если напортачишь, то шею намылю.

– Не без того, – ухмыльнувшись, Фомин вышел.

3

Он вошел в ресторан. Огляделся, ища кого-то взглядом. Его заметил Кайгородов, старший метрдотель, и поспешил навстречу.

– Рад приветствовать вас...

– Ой, рад ли?.. Впрочем, это не важно... Рад ты или не рад, но принять придется. Ну, куда денешься? – Кайгородов открыл было рот, чтобы что-то сказать, но вошедший не дал. Он, с прищуром оглядев Кайгородова, спросил. – Что, считаешь по благодетелю? Давно не видел?

– Вы... насчет Евгения Дмитриевича?

Не подтвердив и не опровергнув, тот снова спросил, все также глядя с прищуром:

– Или уже ищешь нового покровителя? Не возражаешь, если я им стану, а? – он громко рассмеялся, чем привлек внимание редких посетителей.

Кайгородов с недоумением смотрел тому в глаза, но понять ничего не мог. В голове зародились тревожные мысли, но предпочел ни о чем не спрашивать.

Без всякого перехода тот спросил метрдотеля:

– Пришли? – Кайгородов подтвердил кивком. – Там? – Кайгородов вновь кивнул. – Накрыл? – и опять же ответом был кивок.

– Вас проводить? – спросил Кайгородов, угодливо заглядывая в глаза посетителю.

– Не гость. Ориентируюсь не хуже тебя, – ответил он и пошел налево, скрывшись за занавеской из серебристого бисера.

Войдя в кабинет, сразу прошел к умывальнику, отгороженному от зальчика гофрированной створкой из голубого пластика, вымыл руки, смочил слегка седеющие волосы, рас-

трёпаные на ветру, расческой пригладил и лишь после этого занял свое место за столом, накрытом на троих. Он придвинул поближе крохотные позолоченные рюмочки, тарелку с балычком, потянулся за бутылкой, предупредительно кем-то открытой, но полной, налил себе. Вернув бутылку на место, поднял глаза.

– Вы чего? Ждете, когда поухаживают? – рассмеявшись, добавил. – Хозяйничайте. Здесь слуг нет: только хозяева.

Придвинув свои тарелки, взяв по тонко нарезанному ломтику батона, вооружившись вилкой, они принялись за трапезу.

Увидев, что те проигнорировали коньяк, пришедший последним, удивился.

– Вы чего, мужики?.. Если не хотите коньяк, то в холодильнике водочка, отличная водочка. Столичного завода «Кристалл», между прочим.

Адвокат Тагильцев, не отрываясь от закуски, отрицательно замотал головой.

– Нельзя. За рулем я. Да и ты, Александр Ильич, тоже, как я понимаю...

– А... Бросьте вы!.. С руки ведь кормятся.

– Гаишники, что ли? – уточнил адвокат.

– Они, милые, они! – ответил Кобяков и снова рассмеялся. – Ручными стали.

– Вы... дело ваше, но я – нет. А, кроме того, дел много, в прокуратуру надо идти. Нехорошо, когда изо рта воняет

перегаром.

– А я, пожалуй, приму, – сказал Кравец. – Но не коньяка, а водочки, – он встал, прошел к холодильнику и принес плоскую запотевшую бутылку, отвинтил пробку и налил в стограммовую стопку. – Не помешает парочку принять, – налив себе, спросил. – Как я понял, без тостов и, не чокаясь? – никто не ответил, поэтому Кравец с удовольствием выпил и вновь взялся за балычок, аппетитно лежащий на тарелке.

Кобяков, налив снова рюмочку, выпил.

– Ну, Афанасий Петрович, рассказывай, что выездил? Как он там?

– Плохо он выглядит, Александр Ильич. Ершится, но, видно, сильно подавлен.

– Понятно: не на курорте, – заметил Кобяков и замолчал, продолжая с тем же успехом управляться с рыбой.

– Еще бы! – вставил Кравец, наливая очередную стопку.

Кобяков спросил:

– За что его? Узнал?

– Ему предъявлено обвинение в убийстве Курдюкова, совершенное с особой жестокостью, – Кравец и Кобяков обменялись многозначительными взглядами, из чего адвокат сделал вывод, что услышанное для них не есть новость. Удивился, но вида не подал. В конце концов, не его это дело.

Кобяков спросил:

– Значит, угодил-таки на нары? Подробности тебе какие-нибудь известны?

– Вчера суд дал свое согласие на арест Шилова, и теперь он в СИЗО номер два.

Кравец сказал:

– Давно не парился.

Тагильцев продолжил:

– Насчет других подробностей... А их пока и быть не может. Первый допрос – сугубо предварительный и носил формальный характер.

– И все же задержание – не случайность, – заметил Кобяков, отодвигая в сторону тарелку с рыбными костями.

Адвокат подтвердил:

– Я к этому же склоняюсь. По-моему, у следствия есть кое-что, но всех карт раскрывать не спешит. Обычная тактика.

– Попал-таки в сети, – сказал Кравец и также отправил в сторону пустую тарелку. – Уж больно сильно кичился своим, как он с апломбом говорил, «депутатским иммунитетом». И поплатился.

– Должен признать...

Но в это время Кайгородов самолично вкатил тележку, на которой стояли тарелки с аппетитно пахнущим борщом, поэтому Кобяков замолчал. Кайгородов, убрав со стола грязные тарелки из-под закуски, вытерев дважды столешницу (сначала влажным, а потом сухим) полотенцем, аккуратно расставил глубокие и вместительные тарелки с борщом, в котором плавали крупные куски говядины. Через минуту его

не стало. И Кобяков продолжил:

– «Мент» -то хорошо поработал: сети – его рук дело.

– Александр Ильич, ты о подполковнике?.. – спросил адвокат.

Не отвечая на вопрос, Кобяков продолжил развивать мысль:

– Под этакого углана работал. Пробыл-то всего ничего, а пощипал нас хорошо. Где Колобов? Убит. Где Кротов? Задушен в предвариловке. Шилов? Арестован. М-да... Ну и дела...

Адвокат, притворившись равнодушным, спросил:

– Не тот ли Кротов, что был задержан недавно чекистами?

– Он, – недовольно буркнул Кобяков.

– Но почему ты, Александр Ильич, его упомянул? Он, что, из ваших?..

– Афанасий Петрович, оставим это: меньше знаешь – спокойнее живешь.

Адвокат опять-таки не оставил без внимания многозначительные взгляды, которыми обменялись между собой Кобяков и Кравец. Он также понял, что Кобяков недоволен собой. Недоволен, что ляпнул лишнее. Нет, он понимает, что Тагильцев официально работает на их фирму, легально, что он – свой человек. Однако и адвокату не следует знать больше, чем ему необходимо для исполнения адвокатских обязанностей. Адвокат понимает, что коснулись щекотливой темы, но он должен спросить.

– Александр Ильич, говоря о смертях, мне показалось, что вы в этом подозреваете полицию...

– С них сбудется, – пробурчал Кобяков и фыркнул.

– Я, как профессиональный юрист, так не думаю.

– Почему?

Тагильцев усмехнулся:

– Это же так очевидно.

– Тебе – очевидно, зато мне – нет, – снова фыркнув, бросил Кобяков. – Для «ментов» мы – кость в горле. И давно уже. Проглотили бы, но – руки короткие; нет законных оснований...

Кравец добавил, предварительно выпив еще одну стопку водки:

– Вот и решили мочить... одного за другим.

Тагильцев отрицательно замотал головой.

– Полиции живые полезнее, чем мертвые, – на эту сентенцию не последовало реакции. – Ну, да, ладно, оставим это. Я вот что хотел спросить: правда ли, что НТПС не заинтересован в судьбе Шилова, поэтому защиту на себя брать не намерен?

– Почему ты так решил? – спросил Кравец.

– Я почувствовал...

Кобяков подтвердил подозрения адвоката.

– Афанасий Петрович, ты правильно почувствовал.

– Но почему? Объясните! Ведь Шилов еще несколько дней назад был одним из лидеров.

– Был, но не стал. Виноват он сильно перед нами.

– Но в чем его вина? – снова спросил адвокат. – У вас же не принято бросать в беде своих.

– Был свой, стал чужим... Подлянку он сотворил, а такое не прощается.

– Может, все-таки объясните, господа, в чем дело?

– Тебе, Афанасий Петрович, этого не надлежит знать. Достаточно того, что Шилов хорошо знает. Ему все объяснили... На берегу объяснили, – Кобяков, дохлебав борщ, отодвинул тарелку и поднял глаза на адвоката. – Кстати, не ты ли взялся за защиту Шилова?

– Я... Частным порядком... Договор заключил.

– И как гонорар? Клиент не поскупился?

– Сто у. е. в час, – ответил адвокат.

– О-го-го, – протянул Кравец, – дорого обойдется удовольствие.

Адвокат, заподозренный в большом аппетите, обиженно заметил:

– Дело-то серьезное... И фирма клиентом занимается серьезная. Я хотел отказаться, но передумал...

– Надо быть глупцом, чтобы упустить такой жирный куш, – сказал Кравец.

Тагильцев возразил:

– Не по этой причине согласился. Я подумал, что, осуществляя защиту, я смогу быть полезным вам, то есть сообществу... В какой-то мере полезным.

Кобяков насторожился, поэтому спросил:

– «В какой-то мере»? Но мы бы хотели в полной мере.

– Хотеть – совсем не вредно. Однако невозможно.

– Почему? – спросил Кравец, не понимая, куда клонит адвокат.

– Не положено.

– Почему? – повторил свой вопрос Кравец.

– Потому что, во-первых, защищая частным порядком Шилова, у меня нет никаких обязательств перед фирмой, где я работаю. Потому что, во-вторых, есть кодекс поведения адвоката, кодекс профессиональной чести, а его нарушать я не собираюсь ни за какие деньги...

Кравец прервал:

– А если мы заставим?..

Кобяков зло посмотрел в глаза коллеги и тот тотчас же прикусил развязавшийся не в меру язык. Кобяков (не зря дана кличка «Ангел») мягко сказал:

– Поступай, как считаешь нужным, Афанасий Петрович. Нам достаточно и того, что будет «в какой-то мере».

– Я все-таки изложу и третье обстоятельство: есть у юристов такое понятие, как тайна следствия. Я, став обладателем конфиденциальной информации при исполнении долга, не имею права ее разглашать. Надеюсь, я понятно объяснил?

– Не обижайся, Афанасий Петрович, – сказал Кравец. – Я же пошутил.

– Шутки-то у тебя боцманские... – серьезно ответил тот.

– А я и в самом деле был боцманом на торпедном катере... Когда срочную служил. Попал, как говорится, ты в яблочко.

Кобяков и Кравец рассмеялись. Улыбнулся, но лишь чуть-чуть, и Тагильцев. Неловкость прошла. Кайгородов доставил второе: колбаски по-купечески с картофелем-фри, зеленым горошком, свежим огурцом и малосольной капусткой. После ухода старшего метрдотеля Кобяков спросил адвоката:

– Ты был у жены?

– Еще утром.

– Что она говорит?

– Ничего. Собралась и уехала первой же электричкой в область.

– Зачем?

– Говорит, что будет просить разрешения на свиданку.

– Не разрешат, – заметил Кравец.

– Я ей тоже говорил. Но женщину переубедить невозможно.

– Тебе не показалось, что она знает?.. – осторожно спросил Кобяков.

– Я понял, что ты, Александр Ильич имеешь в виду. Жена ничего не знает о профессиональной деятельности мужа... Или почти ничего.

– Какие-нибудь фамилии называла в разговоре?

– Нет. Она сказала, что знала лишь убитого Курдюкова, которого, по её словам, Шилов считал своим дружкой. Она, кстати, не верит, что муж мог убить дружка. Начисто отка-

зывается верить.

Кобяков повеселел.

– Отлично, – он потер руки. – Не знает – значит, не опасна.

– Будь уверен, Александр Ильич: с этой стороны вашему союзу ничто не грозит.

– Слава Богу, хоть одна приятная новость, – Кобяков облегченно вздохнул.

Тагильцев на это заметил:

– Но есть еще одна столь же оптимистичная новость.

Кобяков спросил:

– И какая же?

– Заключая договор, я выдвинул одно устное условие.

– Какое?

– Я предупредил, что если Шилов поведет себя в ходе следствия некорректно, то есть станет валить на других, то есть на кого-либо из своих сообщников, то я немедленнорываю договор.

– Он и без этого понимает, что грозит, если начнет болтать лишнее, – заметил Кобяков. – Не впервые загремел, поэтому наши правила знает: чуть что – телефонный провод на шею и тью-тью. Умеешь кататься – умей и саночки возить.

– И все же я его предупредил.

– Лишнее предостережение не помешает.

– Уже на первом и предварительном допросе чуть-чуть не сболтнул лишнее. Пришлось мне вмешаться.

– Как это?

– Попросил следователя дать возможность посоветоваться с подзащитным с глазу на глаз.

– И что?

– Посоветался. Я посоветовал Шилову, посоветовал настойчиво, чтобы тот сейчас же воспользовался нормой Конституции и отказался отвечать на вопросы следствия.

– Послушался?

– Он замолчал. Ему, конечно, это вряд ли поможет, но вам... Полезнее, если будет молчать.

– Ты прав: живее будет, – заметил Кравец.

Кобяков спросил:

– Что за следователь?

– Зверюга! Из его рук Шилову не вырваться.

– Ты его знаешь?

– Слышал. И первое же личное свидание слухи подтвердило. Он, правда, иногда допускает огрехи, но, мне показалось, умышленно.

– Шилов не предлагал тебе поладить со следователем?

– Предлагал.

– Ну, и ты?..

– Категорически отказался.

– Почему?

– Затея изначально не имеет перспектив.

– Неподкупен?

– И это – тоже.

– Неужели есть такие? – удивился Кравец.

– Не надо всех грести под одну гребенку.

Кобяков усмехнулся.

– Не надо – не будем, ведь так, Илья Андреевич? – Кравец согласно кивнул.

– Хорошо, картина ясная и об этом хватит. Скажи мне, Афанасий Петрович, вот о чем, проконсультируй, так сказать.

– Слушаю, Александр Ильич.

– События недавних дней... Ну... гибель одного из со-
председателей...

– О Колобове, что ли?

– О нем.

– А какие тут проблемы?

– Не знаю, но мне кажется, что могут возникнуть пробле-
мы с наследованием, – сказал нерешительно Кобяков.

– Вряд ли, – ответил адвокат. – Наследник по закону один,
то есть его жена, так что...

4

Поднявшись по исшарканным за долгие годы ступеням, она вошла в здание. Оглядевшись, увидела сидящего на стуле и листающего журнал вахтера, который ее появление полностью проигнорировал. Подошла, поздоровалась. Но вахтер продолжал свое занятие.

– Простите, – робко произнесла она. Только сейчас вахтер

обратил свой взор на женщину.

– Что нужно? – спросил он.

– Скажите, а следователь Коротаев здесь работает? – спросила женщина, со всей очевидностью понимая, что здесь ее не ждали, что ей здесь не рады. Впрочем, одна она разве здесь такая?

– Здесь, – бросил вахтер и вновь углубился в журнал.

– Извините, подскажите, как пройти к нему?

– Зачем? – не отрывая глаз от журнала, спросил вахтер.

– Он... мужа моего... дело, сказали, ведет.

– Договаривались?

– Нет, но...

– Не примет, – резюмировал вахтер, помолчал и добавил. – Скорее всего.

– Пусть он мне об этом скажет.

– Третий этаж. Направо. Еще направо. Предбанничек будет маленький. Три двери. Одна из них – Коротаева. Две тройки на двери.

– Спасибо, – сказала женщина и стала подниматься по лестничным маршам. Нашла нужную дверь. Постучала. Услышала недовольный с хрипотцой голос.

– Кто там? Входите.

Женщина, пригладив волосы на голове, вошла.

– Здравствуйте. Я – к следователю по фамилии Коротаев.

– Да? – женщине показалось, что мужчина за столом улыбнулся. – Ну, если к Коротаеву, то им буду я. Проходите и при-

саживайтесь, – посетительница так и сделала, понимая, что в подобных учреждениях дважды предложений не делают. Он спросил. – Вызывал?

– Меня? Нет. Но... У меня к вам дело.

– Какое именно?

– Анна Егоровна я...

– Очень приятно. Но это мне ничего не говорит.

– Мужа моего... Будто бы он у вас... Дело против него...

– А... как, простите, фамилия?

– Шилов... – после паузы добавила. – Евгений Дмитриевич.

– А-а-а, – протянул мужчина и, как показалось посетительнице, изменился в лице, поскукнел как-то. – Вы, выходит, супруга гражданина Шилова?

– Именно так. Он... у вас?

– Нет, не у меня...

Женщина встала.

– Извините, что побеспокоила. Ошиблась, видимо. Мне нужен другой Коротаев.

Мужчина сказал:

– Вы присядьте.

– Но вы же сами...

– Видите ли, подследственный Шилов находится не у меня, а в следственном изоляторе номер два.

Женщина закивала:

– Я это знаю... Я там была... Только что оттуда... Меня

отправили к следователю Коротаеву: он, мол, любой мой вопрос решит.

– Ну, – мужчина слегка усмехнулся, – не любой, конечно... А что у вас за вопрос?

– Я, видите ли, на свиданку с мужем приехала.

– Не слишком ли поспешили?

Женщина уловила иронию, но оставила без последствий.

– Мне сказали, что свиданку с мужем может разрешить лишь следователь Коротаев.

– Вы напрасно приехали...

– Адвокат... Тагильцев мне тоже самое сказал. Но я всё равно приехала.

– Надо слушать адвоката, Анна Егоровна.

– Я вас очень-очень прошу.

– Рад бы, но пока не могу.

– Почему?

– Не вижу надобности. Задержали вашего мужа в субботу. Сегодня? Да и... – он сделал паузу и внимательно посмотрел на посетительницу. – Интересы следствия не позволяют этого сделать. Ваш муж подвергнут аресту не за какую-нибудь мелкую хулиганку, а он проходит по очень-очень серьезному делу, влекущему для него тяжкие последствия.

– Значит, не разрешите свиданку, да?

– К сожалению.

– Обидно, конечно, – женщина тяжело вздохнула, – но ничего не поделаешь.

Коротаев спросил:

– Любите мужа?

Женщина грустно улыбнулась.

– Какая любовь?! По тюрьмам шляется... Почти не вижу. Любви никакой нет, но он мне законный муж, какой-никакой, а муж, поэтому обязана...

– Повезло.

– Мне?!

– Нет, не вам, а мужу. Насмотрелся я... Другие-то как? Чуть что – рысью бегут-спешат оформить развод.

Женщина авторитетно сказала:

– Не по-людски это, не по-божески... Перед Господом поклялась я, что в радости и в горе... Я не клятвопреступница, – женщина встала. – Извините, что побеспокоила. Пойду.

– Одну минуточку.

Женщина с надеждой посмотрела в глаза следователя.

– Что? Передумали?

– Нет, но все-таки присядьте. Вы, видите ли, есть в списке свидетелей по делу.

– Я?! Свидетель? – женщина покачала головой. – Я – жена, а не свидетель.

– Ну, жены-то как раз и чаще всего бывают свидетелями. Так вот: если вы не возражаете, то я допрошу вас в качестве свидетеля по делу вашего мужа. Все-таки не совсем напрасной будет ваша поездка. Я бы все равно вас вызвал на допрос, а тут...

– Нет, я не возражаю, но вряд ли я буду вам полезна. Плохой я свидетель: ничего не знаю. Никогда не влезаю в дела мужа.

– И все же... – Коротаев, порывшись в столе, достал несколько листов, видимо, заранее заготовленных. Заполнив, пустые графы своим мелким-мелким подчерком, он сказал. – Анна Егоровна, что вы можете сказать... Да... Я должен вас официально предупредить, что вы, будучи близким родственником, вправе отказаться свидетельствовать, согласно норме Конституции России, против мужа, если свидетельские показания каким-либо образом могут ухудшить положение подсудимого Шилова. Вы воспользуетесь правом отказа от дачи показаний или нет?

– Не вижу смысла. Вряд ли мои показания могут отрицательно сказаться на судьбе мужа. Я уже упоминала, что ничего не знаю.

– Однако, пусть даже так, по закону обязан допросить свидетеля.

– Так... спрашивайте.

– Анна Егоровна, вы в курсе того, что совершил ваш муж Шилов Евгений Дмитриевич?

– Афанасий Петрович, адвокат, утром сказал, что, будто бы, мой муж имеет какое-то отношение к сбежавшему от суда Курдюкову.

– Да... Что вы можете сказать?

– Я адвокату сказала и вам скажу: не мог мой муж убить

Курдюкова!

– Почему вы так считаете?

– Потому что, сама видела, дружками были. Муж никогда ни одного худого слова не сказал о нем.

– Курдюков бывал в вашем доме, Анна Егоровна?

– Был. Не раз. Бражничал с мужем.

– Неужели пили брагу? – спросил следователь.

– Нет, я не в этом смысле сказала. Я имею в виду, что пьянствовали.

– И что, даже по пьянке, они не ссорились?

– Нет, не слышала. Никогда.

– И ваш муж никогда, даже за глаза, ничего плохого не говорил о Курдюкове?

– Нет, не говорил. Не верьте, гражданин следователь, что муж убил. Тут какая-то ошибка. Бандит он – это правда. Но чтобы убить дружка?..

Следователь сказал:

– Я бы охотно разделил ваше мнение, но факты, которыми уже располагает следствие, говорят об обратном.

– Месяц или два назад, точно-то не помню, в нашей городской сплетнице печатали, что ищут следы Курдюкова. Прочитав, решила спросить мужа: где может находиться Курдюков, дружок его? На это муж ответил: отвянь, говорит, и не лезь туда, куда не просят. Ну и все. Я не привыкла насесть с расспросами. Да и не позволит муж. Быстро укоротит. Он такой.

– Неужели бил вас?

– Было дело... в первые годы совместной жизни. Сама виновата. Потом приноровилась. Терпимо стало. У других баб жизнь не слаще, – женщина, помолчав решила добавить. – Дома он о делах не распространялся. И вообще: домой-то приходил только спать. Где там был? Что делал? С кем? Неважно. Важно, что в любом виде, но шел домой.

– Сколько лет живете с мужем, Анна Егоровна?

– Тридцать два с половиной года.

– Значит, могли изучить характер мужа.

– Не без этого. Открываю дверь и сразу вижу, каков он? Если ничего, то можем поговорить, семейные дела можем обсудить. Если нет, то ухожу на кухню, не пристаю к мужу. Оставляю наедине. Недавно, вот, дома объявился в синяках, побитый, значит, но особенно лаялся в начале мая. Не в настроении был.

– Может, синяки – это результат конфликта между мужем и Курдюковым?

– Что вы! Курдюков, дружок его, потерялся года два назад, а синяки... Это – пару месяцев тому назад.

– И вы не поинтересовались, откуда синяки?

– Спросила. Отболтался. Сказал, что ремонтировал машину; что-то там прилетело в лицо.

– Поверили?

– Что вы? Не дура. Хотя он, и правда, всегда сам (может себе позволить нанять автослесаря, но не хочет) ремонтиру-

ет свою «ласточку», но то – не тот случай. Скула-то – сплошной синяк. Заехал кто-то – это ясно. На другой день отошел чуть-чуть, и я снова решила подъехать, выведать, что могло случиться.

– Что в этот раз сказал?

– Отшутился. Синяки и шрамы – это основные украшения настоящих мужиков. Бабам, говорит, что? Цацки всякие навешивают на себя. Мужик? Тут – другое: синяками и шрамами, вместо цацок, украшает себя.

– Итак, Анна Егоровна, подведем итог: вы не знали и даже не предполагали, что к исчезновению Курдюкова может быть причастен ваш муж Шилов Евгений Дмитриевич?

– Ни тогда, ни сегодня. Я не верю, что муж мог убить, Повторяю, не мог!

– А скажите, пожалуйста, какие взаимоотношения у мужа были с другими лидерами преступного сообщества?

– Преступного сообщества? – переспросила женщина. – Какого еще сообщества?

– Неужели никогда не слышали о нем? Неужели до вас городские слухи не доходили?

– Болтают разное. Но я не слишком верю сплетникам. Завистники. Мы не любим, если у кого-то дела идут успешнее, чем у нас. Готовы облить грязью любого. Такие вот мы. Хлебом не корми.

– Извините, Анна Егоровна, но я не верю, что вы сейчас искренни.

– Почему?

– Потому что вы не могли не знать или не догадываться, что деньги, которые приносит в дом ваш муж, добыты неправедным путем.

– Я вас не понимаю. Он – соучредитель нескольких предприятий. Эти предприятия, это-то я точно знаю, начинались с нуля. Не то, что некоторые... Скупили за гроши магазины, принадлежавшие государству. Сумели, потому что были близки к власти. Муж же никогда не был возле государственной кормушки.

– Хорошо. Вернемся к вопросу, заданному мною ранее. Скажите, с другими лидерами НТПС какие взаимоотношения у мужа? Надеюсь, это-то образование знаете?

– Знаю, – подтвердила женщина. – Общественно-политический союз. Участвовал в выборах. Муж стал депутатом. Заважничал после этого. Солидности прибавилось. Лаяться, как собака, уже не стал. Культурные словечки стали появляться.

– Не уходите в сторону, – напомнил следователь.

– Я не ухожу. Просто: мне сказать нечего. Ни хорошего, ни плохого. По-моему, тоже дружки, но не так близки, как Курдюков. Колобов, жаль, погиб недавно. Кобяков? Плохо его знаю. Кравец? Интеллигентный, мне кажется, человек. Кто там еще?.. Ну и так далее. Хотите верьте, хотите нет, но муж, в самом деле, дома не любил говорить о делах. Извините, что не помогла.

Глава 4. Сокамерники

1

Он сидел на нарах нижнего яруса (коллеги по камере, в основном, всякая, по его мнению, шантрапа, учли, что вновь прибывший имеет заслуги, в авторитете; как-никак, а три срока уже оттянул, поэтому достоин привилегий) и злился на всё и вся. Злился из-за того, что с воли нет никаких вестей, что не вызывают на допросы и потому он в неведении, что происходит на воле, что в камере вонь и духота, что кормят хуже, чем свиней, что нет рядом ни одного достойного собеседника, с которым бы можно было обсудить его личные проблемы. Не повезло так не повезло! Но не это главное.

Он сидел, почесывая волосатую грудь, а из головы не выходил сон, приснившийся ему истекшей ночью. Ближе к полуночи, когда сокамерники уgomонились, он задремал. Сидит, будто бы, он в гостевом кабинете ресторана «Высокого-рье» в окружении трех юных и соблазнительно прекрасных полуодетых блондинок. Блондиночки обхаживают его, всячески ублажают, а изящная ручка одной из них, осмелев, нахально залезла ему в штаны, нежно поглаживая его мужское достоинство. Он не возражает. Наоборот, ему даже приятно и он готов терпеть подобное нахальство сколько угодно.

Но в самый разгар его блаженства, когда он был на седь-

мом небе от испытываемых удовольствий, без стука отворилась дверь кабинета и тихо, на цыпочках, вошел «Спиридон». Блондиночка, ну, та, что занималась баловством, вмиг отскочила и села, как ни в чем ни бывало, на краешек соседнего кресла. Он, заметив, как зарделось пухленькое личико блондиночки, подумал: «Чем не ангел, а?» Странно то, что, увидев «Спиридона», он ничуть не удивился, а рукой показал на то место на диване, которое только что занимала нахальная блондиночка: присаживайся, мол, коли пришел. Странно то, что о чем бы он ни спрашивал, на какую тему ни заговаривал, «Спиридон», ни слова не произнеся, лишь сокрушенно покачивал головой и пристально заглядывал ему в глаза. Так, не проронив ни слова, посидев минут пять, которые для него показались целой вечностью, «Спиридон» встал, тщательно отряхнул с костюма приставшие пылинки и растворился в воздухе. Именно растворился, так как он отчетливо помнит, что «Спиридон» не подходил к двери, через которую вошел.

Он проснулся, так как стежоная харя, что над ним, жутко захрапела. Выматерившись, он встал, сильно ткнул храпуна кулаком в бок, отчего тот повернулся со спины на левый бок и затих. Он лег. И снова сон. Но уже другой.

Сидит, будто бы, он на берегу реки Тагил. Рассвет. Туман стелется над водой. Тихо-тихо вокруг. Сидит и видит, как из тумана, напротив, выплывает фигура. Очертания размыты, поэтому он не может понять, кто это? Однако взгляды-

вається, силиться разглядеть. На фигуре – белая кисея, которая еле-еле шевелится. На голове – ничего. Волосы лежат на плечах. Фигура висит над водной гладью и чуть-чуть раскачивается. Ног не видно. Очевидно, предрассветный туман у воды гуще и скрывает. В один какой-то момент он отчетливо видит лицо – лицо «Курдюка», а потом черты лица вновь размываются. Через какое-то время фигура стала медленно-медленно удаляться от него. И когда «Курдюка» уже было почти не разглядеть, из-под кисеи, окружавшей его, показалась волосатая рука – рука орангутанга. Рука, поднявшись вверх, грозила ему указательным пальцем.

Он недовольно покрутил головой. Сны ему не нравились. Потому что рождали нехорошие воспоминания. В животе заурчало: требует пищи, а ее все нет и нет. Где они, суки? Морят, сволочи!

К нему подошел «Касатик». Он – новичок. Ему карачится первая ходка. Кликуху ему эту дали сокамерники. Дали после того, как он обмолвился в разговоре, что его так, Касатиком, часто называла бабушка.

«Касатик» нерешительно спросил:

– Плохо спалось?

– С чего взял? – буркнул в ответ он.

– Молчишь все утро.

– Молчу – значит, так надо, вишь ты, сопля зеленая.

Он упал на подушку и стал лежать, подложив ладони под голову. По режиму, конечно, не положено, но он срать хотел

на режим.

Сокамерники, сгрудившись у стола, разговаривали. «Касатик», которого плохо слушали, в который раз рассказывал, за что он загремел.

Шилов с нар пробурчал, но там, у стола, его услышали:

– Последнее, вишь ты, у деревенской бабки уволок... Крохобор.

«Касатик» откликнулся:

– Дом-то не деревенских, не наших. Дом-то городских, дачников. Дачница, да, бабка, но из города.

Шилов недовольно хмыкнул:

– У городских, думаешь, все с неба валится? Они мантулят, а такие, как ты, крохоборы заваливаются и оставляют людей ни с чем, – он еще жестче повторил. – Крохобор! Молчать бы тебе в тряпицу.

«Касатик» решил возразить.

– А ты чем лучше? Взял и «замочил» мужика.

– Может, и «замочил», но за дело. Не за шмотье копеечное, как ты, – «Касатик» опять хотел возразить, но он не дал ему. – Заткнись, падла! С кем споришь? На первый снег ссышь еще, вишь ты. Не пристало старшим возражать! Сходишь столько же – тогда и поговорим на равных... Сравнил, подлюка!

Мужик в авторитете, поэтому все замолчали. Попробуй не замолчать. Вчера, вон, заехал в харю «Суслику». Заехал лишь за то, что тот сплюнул на пол. При этом сказал, что это

всего лишь первое серьезное предупреждение. Все поняли, что он скор на расправу. Шутить не намерен. И на это у него есть полное тюремное право. А с тюремным правом не поспоришь. И в адвокаты никто не сунется.

Послышался металлический скрежет. Это открывается в дверях оконце. Значит, принесли завтрак. В окне появился небольшой бачок и полиэтиленовый пакет с нарезанными ломтями хлебом. «Касатик», подскочив, принял пищу и поставил на стол. Оконце с тем же скрежетом закрылось. «Касатик», разлив содержимое бачка по мискам, расставил согласно табелю о рангах.

Шилов встал, сел во главе стола. Здесь его место. Он потеснил «Суслика», который до его поселения ходил в главарях. Он презрительно помешал ложкой супчик, где плавали отдельные листочки капусты и редкие крупинки перловки, и недовольно хмыкнул:

– Заморят, сволочи!

«Касатик» хихикнул и хотел что-то сказать, но под его мрачным взглядом осёкся, усердно стал работать ложкой.

2

А он? Ему также не остается ничего другого. Нет здесь выбора, к которому он привык. Как ни кочевряжся, а организм требует, чтобы он скорее привыкал к этой вот баланде. Даст Бог, скоро выпутается. И тогда уж он нажрется до отва-

ла. Он обязательно выпутается. Он верит в это. Он уверен, что для суда будет мало домыслов и предположений, которые имеет на руках следствие. Нынешний суд – не прежний. Нынче, слава Богу, на одной демагогии обвинение не построишь. Не те нынче времена. Да и он не тот. После последней отсидки сколько прошло? Одиннадцать с половиной лет. Он ведь тоже изменился. Изменился в лучшую сторону. Одно то, что был избран в городскую думу, говорит о многом. Характеризует с положительной стороны. Да, он иногда все же срывается. Не всегда в состоянии управлять своими чувствами. Сегодня он бы кое-что сделал иначе, либо совсем отказался делать. Но... Вчерашнее – не воротишь. Что сделано, то сделано. Осуждает ли себя? Да, еще как! Правда, в этом не собирается никому признаваться. Пусть его душа остается в потемках. В его душе для посторонних места нет. И никогда не будет!

Он держит в запасе еще один ход, другими опробованный ход. Этот ход будет опробован лишь тогда, когда станет ясно, что нет никакой надежды выпутаться. Пока же, не теряя времени, надо присматриваться к надзирателям, охране, налаживать контакт с теми, с кем, при случае, можно кашу сварить. Такие, он уверен, есть. Надо присмотреться, очень хорошо присмотреться. Он людей знает. Насмотрелся. Сверху все чистенькие да светленькие. А ковырни поглубже и увидишь, что такое же дерьмо, как и другие.

Он выхлебал баланду, а остатки подчистил корочкой хле-

ба. Как говорится, голод – не тетка. Облизав ложку, он встал и положил ее под подушку. Зачем? А черт его знает. Машинально получилось. Он хорошо знает, что его ложку ни одна сволочь не посмеет тронуть. Пока. Конечно, все может и измениться. Если объявится другой авторитет, больше достойный на лидерство в камере. Его появление нового лидера не страшит. Он прошел достаточно, чтобы не дергаться при первом же шорохе.

3

Из ванной отчетливо доносятся плеск воды и довольное фырканье. Процедура явно затягивается: уже скоро десять, а они, то есть капитан Курбатов и капитан Комаров, все еще из номера гостиницы «Тагил» – ни ногой. Непорядок, считают они, нерациональное использование служебного времени. И виной всему их шеф, то есть подполковник Фомин, который уже с полчаса находится в ванной. Нет, они тоже поборники чистоты и свежести, но не до такой же степени, чтобы по полчаса плескаться и фыркаться. Да и на него, то есть на шефа, тоже непохоже: раньше их обычно на ногах, а сегодня нежится. И что с ним?

Комаров сидит за столом и просматривает журнал, доставшийся от прежних обитателей номера. Курбатов стоит у окна и смотрит на оживленную в этот утренний час привокзальную площадь, в руках держит записную книжку, временами

делая в ней какие-то пометки.

В этот раз Фомин выступил инициатором, чтобы им предоставили трехместный номер, но попросторнее. Им предоставили. Но это, собственно говоря, были два, но смежные номера, то есть войти во второй номер можно было лишь из общего номера, а не из коридора. Фомину это обстоятельство показалось довольно удобным. Он попросил в тот, смежный номер поставить все три кровати, то есть образовать нечто вроде спальни, а основной номер превратить и в гостиную, и в кабинет для совещаний.

Администрация гостиницы пошла навстречу притязаниям Фомина: молча, выслушала и сделала все так, как надо постояльцам из областного центра, которые предупредили, что здесь, то есть в гостинице, они задержатся, видимо, надолго. И Комаров, и Курбатов предлагали другой вариант: ему, то есть шефу, отдельный одноместный номер, а им один номер на двоих, то есть двухместный. Фомин, выслушав, обиделся не на шутку. Зачем, сказал он, мне отделяться? Кто я такой, чтобы жить в отдельном? Если, сказал он, не хотите общества со мной, то, в таком случае, давайте все трое в одноместных номерах устроимся? Вы кто? Оперы! Я кто? Такой же опер. Прав у меня столько же, лишь ответственности чуть-чуть побольше. Мужики скорёхонько согласились, так как шеф не так их понял. Они-то хотели, как лучше... Лучше для него, а он, видите ли, обиделся.

К тому же, напоследок заметил Фомин, проще обеспечить

безопасность одного номера, чем трех сразу. Поначалу они не поняли, о чем речь, и даже рассмеялись: с чего, мол, такие страхи? Потом, поразмыслив хорошенько, поняли: шеф имеет в виду устранение возможного прослушивания. В тот раз, вон, со всех сторон обложили шефа «жучками». Нынче, правда, иных уж нет, а те – далече. Но могут найтись и другие охочие до чужих секретов.

Короче говоря, все сошлись на том, что вариант шефа – наилучший. Конечно, возникала мысль оформить вид на жительство в более комфортабельной гостинице – отеле-люксе «Высокогорье». Отказались. Не по карману, особенно капитану Курбатову и капитану Комарову. Правда, был не только материальный фактор, а и этический.

В первые же дни все убедились: так очень удобно. Фомин на второй же день, фыркнув, сказал:

– И как это я не допер до этой простой вещи раньше?

Конечно, три ванных комнаты лучше, чем одна (уж больно подолгу шеф занимает одну-единственную ванну), но с этим минусом все готовы мириться.

Фомин появился в нежно-розовом махровом халате, а на лице блуждала самодовольная ухмылка.

– Что, господа офицеры, заждались?

– Да уж... – многозначительно заметил Курбатов, продолжая смотреть в окно. Комаров же промолчал: наверное, из деликатности.

– Надеюсь, одна моя слабость простительна? – вновь спро-

сил Фомин, хитро прищурившись.

Ухмылка «господ офицеров» была красноречивым ответом. Взяв из платяного шкафа костюм, почищенный накануне вечером, Фомин отправился в спальню переодеваться.

Через минуту вернулся. Сел за стол, напротив Комарова. Он спросил:

– Где позавтракаем: в гостиничном буфете или в номере остатками вчерашнего пиршества?

Капитан Комаров оторвался от журнала.

– Второй вариант – предпочтительнее.

Капитан Курбатов, положив в карман записную книжку и ручку, прошел к холодильнику, вынул несколько пакетов и вывалил на стол.

– Предпочтительнее, потому что экономичнее, – уточнил он.

Фомин заметил:

– Такие рационалисты... Что бы я без вас делал?

– Учись, подполковник, у молодежи, как надо жить, – не преминул напомнить Курбатов, во рту у которого уже оказался непостижимым образом приличный пласт дешевой колбасы местного мясокомбината.

Комаров встал, взял чайник фирмы «Tefal», которым их осчастливила администрация гостиницы, сходил и налил воды, включил в сеть. Вода через несколько секунд уже зашумела. Положил в заварник, предварительно всполоснутый кипятком, несколько щепоток индийского чая «Grand», за-

лил водой и поставил, прикрыв салфеткой, отстояться на пару минут.

Фомин, тем временем, закончил сервировку стола, так что вилки-ложки лежали там, где положено. Он даже положил перед каждым несколько бумажных салфеток.

Курбатов, готовя бутерброды, не забывал периодически обрезать колбасы отправлять в рот.

– Ты не очень-то, – заметил Фомин, обративший внимание на эти манипуляции Курбатова.

Курбатов в ответ только рассмеялся.

– У хлеба да без крох?

Фомин проворчал:

– У тебя крох почему-то получается больше, чем хлеба.

Комаров в чашки налил всем чай – горячий и запашистый. Он тоже сел за стол. После минутного молчания Фомин сказал:

– Надеюсь, все знают, чем сегодня предстоит заняться?

И Курбатов, и Комаров в знак согласия кивнули. Пржевав, Курбатов спросил:

– А подполковник?..

– Что «подполковник»?

– Он также знает?

Курбатов явно перенимает манеру ёрничанья, присущую Учителю. Фомин лишь ухмыльнулся на это.

– Есть дополнения, причем, первоочередные, – сказал Фомин, беря еще один бутерброд. – Алексей, – это он обратился

к Курбатову, – загляни вот по этому адресу, – он протянул обрывок бумаги с записью.

– Что за адресочек?

– Это квартира, окно которой, имеющее балкон, точнее, лоджию, выходит на улицу и смотрит прямо на офис Колобова. По моим данным, именно из этой квартиры был произведен выстрел из гранатомета.

– Хм... Не проще ли посмотреть материалы дела? – спросил Курбатов. – Местные сыщики наверняка...

– Алексей, посмотреть материалы дела ты всегда сможешь. А сейчас сделай то, что прошу. Потом у тебя будет шанс сличить твои данные с теми, которые добыты местными сыщиками. Не исключено, что возникнут разночтения. Разве не интересно?

– Сделаю, – коротко ответил Курбатов.

– А ты, Дима, – это Фомин обратился к эксперту-криминалисту, – поройся в вещдоках, добытых с места взрыва машины Колобова.

– Интересует что-то конкретное? – спросил Комаров.

– Меня интересуют любые мелочи... Одним словом, взгляни на все глазами опытного эксперта. Вдруг у тебя возникнут вопросы, – Комаров кивнул. – А остальное – по плану.

– А Алешка Самарин? Будет прохлаждаться? – спросил Курбатов.

– Не будет, – ответил Фомин.

Комаров серьезно добавил:

– Наш шеф не даст никому прохладиться.

Фомин отшутился:

– Устами младенца глаголет истина.

– Александр Сергеевич, – обратился к Фомину Комаров, – можно вечером смотаться домой?

– Что-то серьезное?

– У жены день рождения... Но не надо беспокоиться: завтра ночью буду уже здесь. Обещаю!

– Святое дело... – Фомин кивнул. – Как не разрешить? Тем более, когда обещают...

4

Курбатов уже с час находился в этой однокомнатной квартире. В разговоре с хозяевами заходил с разных сторон, но, увы, все безуспешно. И Мария Александровна, и Егор Иванович твердили одно и то же: все, что могли рассказать, они давно уже рассказали полиции, которая приходила и не раз. Собственно, говорили они, и рассказывать было нечего, потому что во время происшествия их не было дома. Они рано утром уезжали в коллективный сад, что рядом со станцией Орулиха. Когда уезжали, то все было спокойно. Когда приехали (вечер уже был), то нашли свою квартиру вскрытой. Слава Богу, была под присмотром людей в гражданском и участкового, которого они знают в лицо. Извинились, ко-

нечно. Объяснили причину: будто бы, из их квартиры кто-то стрелял. Ну, кто мог быть в квартире, которая закрыта на два крепчайших замка? Сама же полиция утверждает, что во время вскрытия квартиры замки были в полном порядке.

Местные сыщики, а теперь и Курбатов, уверены, что хозяева непричастны: у них – алиби: их видели в саду, с утра и до позднего вечера, ползающими между грядками, десятки людей. Это правда. Но правда и то, что все-таки стреляли. Потому что полиция, проникнув в квартиру, по прошествии нескольких часов явственно ощущала запах пороховой гари. Остатки ее, кстати, обнаружили эксперты. Ни у кого не было сомнений, что стреляли отсюда. Но как люди попали в квартиру? Нечто мистическое.

Курбатов вышел на балкон, открыл единственную открывающуюся створку застекленной лоджии, выглянул наружу. Посмотрел налево. Там, да, окно соседней квартиры, метрах в полутора от края этой небольшой лоджии. Обладая определенной ловкостью, рискуя сорваться, можно попасть, но, при этом, пришлось бы ломать раму. Ну, если не саму раму, то хотя бы стекло. Судя же по протоколу осмотра, с которым Курбатов познакомился, остекление не было нарушено. Зафиксировано единственное повреждение – это по соседству с открывающейся створкой, но и здесь ничто не указывает на то, что является результатом проникновения человека, так как сломана часть стекла. По мнению специалистов, эту часть стекла выдавило воздушной волной от вы-

стрела гранатомета.

Посмотрев же направо, Курбатов убедился, что с той стороны совершенно невозможно попасть, поскольку окно соседней квартиры находится метрах в трех или четырех, а та-мошный балкон и того дальше. Можно спуститься сверху или подняться снизу, но опять же, не повредив остекление, попасть сюда невозможно.

И, наконец, самое, наверное, главное: лоджия выходит на довольно оживленную улицу и плюс масса окон гостиницы «Высокогорье», что напротив. Кто-то бы все равно увидел. Преступник, да, действовал с демонстративной наглостью, но не до такой же степени. Со стороны его, то есть преступника, это была бы уже не наглость, а глупость. Остается одно: человек мог попасть в квартиру лишь через входную дверь. Да, но исправные замки!

Курбатов вышел на лестничную площадку. Оглядел дверь, присмотрелся зачем-то к замочным сердечникам. Скорее по привычке, чем по необходимости. Ясно же: хозяй-ева замки поменяли. К тому же протокол осмотра, в кото-ром черным по белому написано, что замки на входной дзве-ри были в полном порядке, и ни что не указывало, что зло-умышленник ковырялся в сердечниках.

Остается один путь – путь подбора ключей. Преступни-ку не надо было слишком нервничать, так как он, наверня-ка, готовился и знал, что соседей по лестничной площад-ке нет дома. Все так, однако слишком много потратил бы

времени и кто-то из жильцов верхних этажей мог бы проходить. Жильцы живут давно, друг друга хорошо знают, поэтому попытка проникнуть в квартиру постороннего не осталась бы незамеченной. Большой риск. Преступник же опытный (не зря же не оставил никаких следов пребывания, более того, уходя, настолько все тщательно протер, даже дверные ручки, что убрал даже отпечатки пальцев хозяев), поэтому глупить не станет.

Курбатов вернулся в квартиру. Хозяева по-прежнему сидели рядышком на диване. Они встретили Курбатова вопрошающими взглядами.

Курбатов присел на стул. Так, а что в материалах местных сыщиков говорится про жильцов снизу? Они-то могли что-нибудь слышать. Не могли же преступники передвигаться по квартире, летая как птички? Не могли. Если ему не изменяет память, то в документах указано: в той, нижней квартире, находилась лишь девочка тринадцати лет, которая училась во вторую смену, сидела и готовилась к занятиям. Она ничего не слышала. До грохота (она имела в виду выстрел из гранатомета) ничего не слышала. Наверху было тихо, но потом ей показалось, что кто-то прошел. Правда, она не уверена, так как шаги были непривычно осторожные. Хозяева, сказала девочка, так не ходят. Они, хозяева, тоже не слишком шумят, но тем не менее... Из этого вытекает: в квартире кто-то был. Курбатов усмехнулся, подумав: «Как будто кто-то в этом сомневается».

Курбатов поднял глаза на хозяев, сидевших по-прежнему молча.

– Скажите, пожалуйста, а те, прежние замки, вы не выбросили?

Хозяин отрицательно замотал головой.

– Нет. Я прибрал. Жалко выбрасывать. Замки-то в рабочем состоянии. Ваши люди поработали, вскрывая их, аккуратно, не повредили сердечники.

Хозяйка, недовольно поджав губы, возразила мужу:

– Никакие они и не аккуратные. Затопали сапожищами квартиру: целый день пришлось убираться.

Егор Иванович с осуждением посмотрел на жену.

– До чего же ты, мать, мелочная.

– Ну, да! Ну, да! Не ты же целый день спину гнул... Конечно!

– А ключи от тех замков тоже целы? – спросил Курбатов. Хозяин встал.

– Принести?

– Да... пожалуйста. И вместе с замками.

Егор Иванович вышел в прихожую и принес оттуда в полиэтиленовом мешочке замки. Положил перед Курбатовым. Тот вынул, осмотрел. Потом достал две пары ключей, повертел перед собой.

– Как я понимаю, одна пара мужа, другая – жены?

Супруги согласно кивнули.

Курбатов снова спросил:

– Скажите, а вы никому не давали свои ключи? Знакомым, например, или родственникам.

– Нет, никому, – почти в голос ответили хозяева.

– Но вы могли и забыть. Попробуйте вспомнить.

Егор Иванович решительно сказал:

– И вспоминать нечего: из ума еще не выжили.

– Время, знаете ли, многое стирает из памяти, – заметил Курбатов.

– Какое время? – возмутился хозяин. – Замки-то были куплены в феврале. Новёхонькие.

– Ключей, должно быть, было не две пары. Как минимум, три. Скажите, сколько ключей полагалось к каждому замку? Три?

Ответил хозяин:

– Точно уже не помню, но не три.

– Четыре? Пять?

– Точно не помню, – сказал хозяин, – но, кажется, их было пять... Да-да, скорее всего, пять.

– Где вы хранили запасные ключи?

– В кухонном шкафчике, – ответил хозяин и снова встал. – Принести? – Курбатов кивнул. Хозяин ушел и тотчас же вернулся. – Вот они, – он положил перед Курбатовым ключи. Их было две пары.

Курбатов проверил принесенные ключи.

– Но получается, что ключей было не пять, а четыре.

– Пять, пять, пять, – уверенно затараторила Мария Алек-

сандровна. – Егор, ну, вспомни, ну?! Пять же было!

– Мне тоже так кажется, но я не так уверен, как Маша.

– Если ваша супруга не ошибается, то где еще одна пара ключей?

Хозяин покачал головой:

– Не знаю.

– Посмотрите в шкафчике, – посоветовал Курбатов. – Может, завалились.

– Нет, не могли никуда деться. Все ключи лежали одной связкой, на одном колечке.

– Может, вы кому-нибудь отдали?

– Нет, что вы! Никому мы не отдавали. И некому отдавать. И не за чем, – решительно заявил хозяин.

– Если так, то получается, что одна пара ключей исчезла загадочным образом, – сказал Курбатов, складывая в мешочек и замки, и ключи. Потом спросил. – Где, кстати, вы их покупали?

– На Карла Маркса. В магазине «Товары для дома», – сразу же ответила хозяйка.

5

Томление, кажется, закончилось. Потому что сразу же после обеда за ним пришли. Сковав руки сзади наручниками, повели. Охранников было двое. Мужики молчаливые и неприветливые. Когда он спросил, кому он понадобился,

один из охранников мрачно ответил: на допрос.

Его завели в одну из комнат, где из мебели был деревянный стол, стул и табурет. Он подошел к табурету. Потрогал ногой: намертво. Присел.

В комнате, очевидно, предназначенной для допросов, был лишь один конвоир. Другой, видимо, остался за дверью: для страховки.

Охранник остался стоять у двери, опершись спиной о косяк. Охранник стоял и молчал.

Подследственный сидел и поначалу также молчал, искося разглядывая охранника. Подследственный решил заговорить.

– Не легка, вишь ты, служба? – спросил он и ухмыльнулся.

– А если и так, то что? – вопросом на вопрос ответил охранник. – Знаешь, что ли, путь к облегчению?

Подследственный ухмыльнулся: он прекрасно знал, что охране запрещается вести разговоры, однако мужик не промолчал. Значит, что? А то, что есть шанс попробовать сблизиться; этим шансом надо воспользоваться. И следовательно, как нельзя лучше, задерживается.

– Знаю, – перейдя на шепот, ответил подследственный. – И если ты, вишь ты, мужик башковитый, то... Я кое-что могу.

– Что ты можешь? – спросил, скривившись в мрачной ухмылке, охранник. Подследственный отметил: мужик также перешел почти на шепот. Понимает, значит, что за разговор-

чики не погладят по головке. – Сиди уж...

– Дома-то жена, детишки?

– А тебе какое дело? – зло бросил охранник.

– Получается, что имеются... вишь ты.

– С чего ты взял?

– Злой ты, вишь ты... А злой, потому что детишки требуют на молочишко, а в кармане пусто... И баба твоя, вишь ты, день и ночь зудит под ухом. Потому что гроши получаешь здесь, – он с прищуром посмотрел в лицо охранника. – А ведь можешь...

– Ничего я не могу. Говорили: с передачей ГУИН в министерство юстиции, мол, будет лучше, денежное содержание поднимут. Ни хрена!

– Обманули, вишь ты, мужика. В очередной раз обманули, сволочи, – с явным сочувствием заметил подследственный и тяжело вздохнул. А мужик что? Верит ихней трепотне.

– Будто ты не такой.

– Нет, не такой, вишь ты. Я – свободный человек.

Охранник негромко рассмеялся.

– Ты? Свободный?!

– Да, – твердо ответил подследственный.

– А здесь-то зачем? – саркастически спросил охранник.

– По недоразумению... вишь ты.

– Говори кому-нибудь другому.

– Сам скоро увидишь.

– Надеешься? А зря.

– Почему?

– Старослужащие говорят: тот, кто угодил в лапы Коротаву, никогда не выберется; век тому свободы не видать.

Подследственный многозначительно сказал:

– Ничего... И с ним сладим. Человек ведь он, а с человеком всегда можно договориться, найти общий язык.

– Надежды юношей питают. Ты же...

– Не сомневайся: за мной...

– Деньги?

– Деньги – тоже... Большие деньги, вишь ты... Но не только они... Власть еще...

– Давай-давай... пробуй, – загадочно произнес охранник и замолчал, так как услышал в коридоре чьи-то шаги.

6

Эксперт-криминалист Комаров, осмотрев вещдоки, приобщенные к уголовному делу, внимательно прочитав экспертные заключения, сделанные его коллегами из областной экспертно-криминалистической лаборатории, сильно задумался, пытаясь в голове выстроить некую логическую цепочку. Так, считает он, будет легче.

Итак, что имеется? А имеется то, что, во-первых, Колобов и его водитель погибли в результате подрыва автомобиля. По мнению специалистов, взрывное устройство равнялось восьмистам граммам в тротиловом эквиваленте. Взрыв

произошел, когда машина приближалась к оживленному перекрестку; машина уже тормозила, так как горел на светофоре красный. Как был осуществлен подрыв? Отвечая на этот вопрос, специалисты во мнениях расходятся: одни считают, что безоболочное взрывное устройство могло быть прикреплено на крышу машины (во время ее движения) кем-либо из проезжающих рядом (возможно, но мало вероятно); другие полагают, что взрывчатка была заложена заранее и находилась внутри машины (с этим выводом Комаров может согласиться, так как характер взрыва именно на это и указывает); есть и те, которые полагают, что взрывчатое устройство принадлежало либо водителю, либо Колобову (скорее всего, последнему) и предназначалось кому-то другому, а сам взрыв произошел самопроизвольно, то есть имеет место несчастный случай. Местная прокуратура, Комаров на это обратил внимание, именно упирает на несчастный случай. И на этом основании, собственно, не мычит, не телился. Точнее – не мычала и не телилась. До тех пор, пока не занялась областная прокуратура.

Комаров понимает, что взрыв мог произойти и самопроизвольно – это и не такая уж редкость в истории криминалистики. Однако это уж больно простой ответ, ответ, который во всех случаях приходит в головы специалистов самым первым.

Нет, тут не все так просто, считает Комаров, поэтому склонен думать: а) взрывное устройство находилось внут-

ри машины; б) взрывное устройство имело дистанционное управление. Отсюда вывод: а) взрывное устройство оказалось в машине заранее; б) исполнитель взрыва знал путь движения машины, и время движения, причем, он, исполнитель, точно знал, что его жертва там, в машине.

Комаров понимает: вещественных доказательств того, что все происходило именно так, в уголовном деле нет, не добыто. А это значит, что он, эксперт, гадает на кофейной гуще. Серьезному специалисту этим заниматься не пристало.

Комаров сделал какие-то пометки в записной книжке, встал и вышел на улицу. Остановился. Посмотрел налево, посмотрел направо. Он колеблется. А колеблется, потому что в голове у него совсем другие мысли, никак не связанные с работой. Он невольно возвращается к одному и тому же вопросу: что он подарит жене на день рождения? Может, перстенок? Нет, не стоит повторяться: перстень он дарил год назад. Да и с деньгами у него нынче туговато: заначку растряс по пустякам, а пополнить не успел. А что, если, думает он, подарить корзину роз? То-то, наверное, удивится. Но обрадуется ли? Цветы, ясно, женщины обожают, но когда много и на последние деньги, то... И все же, думает он, к ногам любимой супружескии я поставлю на этот раз корзину роз. Это будет ей сюрприз. Создам прецедент, считает Комаров, а там видно будет.

Комаров машет рукой (что, скорее всего, означает одно: решение принято), поворачивает налево и неспешно идет

вдоль забора, которым огорожена новостройка.

– Дима, привет! – слышит он голос справа. Несколько удивлен, так как в этом городе знакомых у него нет. Поворачивает голову и видит, что с противоположной стороны улицы к нему спешит старший лейтенант Самарин.

– Привет, Алексей! – остановившись, говорит Комаров и машет рукой.

Они, встретившись, обмениваются крепким рукопожатием. Самарин улыбается. Улыбается чему-то и Комаров. Комаров с Самариным познакомился днями, но сразу показался симпатичным малым. Не любовь, но уважение с первого взгляда, – это точно. Повлияло, понятно, на расположение и то, что к нему подполковник Фомин откровенно благоволит. А он, то есть Фомин, в людях не ошибается: насквозь видит.

Алексей спросил:

– Куда путь держим?

Комаров замялся. Он не знал, стоит ли говорить? И не потому, что не доверял Самарину, а потому, что мог и обсмеять ведь. Не его это дело, чтобы в пыли ковыряться. Это дело оперов. Есть идея? Ну, дай поручения (разумеется, через начальство) и они все сделают. А он? Все сам да сам. Он больше доверяет собственному глазу, чем чужому.

– Да... так... Алексей... Решил пройтись, подышать...

Самарин рассмеялся:

– Подышать?! Нашим-то воздухом?!

– Ну, Алексей, наш воздух ничем не лучше вашего.

– Все-таки не сероводород.

– Это так, – согласился Комаров. – У нас – выхлопные газы, содержащие тяжелые металлы, например, свинец... Пахнут лучше, но столь же вредны... если даже не больше...

– А я «ЦУ» получил... очередное...

– От него?

– От Александра Сергеевича.

– И что? Доволен? Не сильно шипел?

– Дима, ты шутишь?

– Есть чуть-чуть, – признался Комаров. – Слушай-ка... Я с ним не согласовывал, но... Ты бы не смог пройтись со мной и немного помочь, а? Четыре глаза – не два.

– А в чем дело?

– Решил я пошариться...

– Где именно?

– Решение, знаешь, не от большого ума, а все же...

– Выкладывай и не тяни реину.

– Я топаю туда, где машина Колобова взорвалась.

Самарин недоверчиво посмотрел на него.

– Это еще зачем?

– Хочу посмотреть...

Самарин рассмеялся.

– Что ты там хочешь увидеть-то? Посчитай, какое время прошло. Сейчас там... Что ты хочешь найти?

– Не знаю, – откровенно признался Комаров. – Может,

и выглядит как чудачество, но... Есть у меня пунктик: все и всегда хочу видеть своими глазами.

– Пошли, – согласился Самарин. – Мои глаза, понятно, – не твои... Чем могу, тем помогу.

Они пришли на перекресток. Огляделись. Здесь уже ничто не напоминало о взрыве. Разве что все еще не заделанная воронка не проезжей части

Самарин спросил:

– Все-таки: что тебя интересует?

– Алексей, любая мелочь, которая может иметь отношение к взрыву.

Они начали поиск того, не зная, чего. Постепенно они, расширяя зону поиска, отдалились друг от друга.

Минут через двадцать, подняв глаза, Комаров увидел, что Самарин тащит нечто темное. Оказывается, он нашел автомобильное сиденье. Обшивка сгорела. Все говорило о том, что сиденье принадлежало взорванному автомобилю.

Осмотрев сиденье, Комаров хмыкнул.

– А я что говорил?

– Ты ничего не говорил, – напомнил Самарин и усмехнулся.

– Ну, да... правда. Не говорил... Я думал...

– Что конкретно?

– Дело обычное: неряшливый осмотр места возможного преступления. Даже такие крупные детали взорванного автомобиля не все собрали.

– Продолжим? – спросил Самарин.

– Надо, Алексей, надо. Как говорит подполковник Фомин, интуиция – вещь не простая и к ней надо относиться ответственно.

Они продолжили поиск. Минут через сорок встретились у светофора. У Комарова – пустые руки. Самарину повезло больше. Он держал в руках нечто.

– Дай-ка посмотрю, – сказал Комаров и взял находку в руки. – Так... Если я не ошибаюсь, то это остатки кейса, его передняя планка... Даже один из замков цел. Другой, правда, сильно покорежен. Спасибо, Алексей... Это уже кое-что... Рискну предположить, что взрывное устройство находилось в этом кейсе.

– Совсем не обязательно, – возразил Самарин.

– Ты думаешь?

– Да. Это от кейса – тут ты прав. Но кейс вовсе не обязательно из взорванной машины.

– Почему?

– Потому что нашел неподалеку от мусорной кучи, которую кто-то пытался сжечь. Пацаны, наверное. Кейс валялся в общей куче. Он сгорел.

– Логично. Однако позволь не согласиться с тобой.

– Почему?

– Характер повреждений второго запорного устройства. Эти повреждения не от воздействия высокой температуры (точнее – не только), а от силы взрыва.

– Убеждает. Но...

– Давай, Алексей, дискуссию отложим на более благоприятное время, хорошо?

– Как ведь скажешь.

– Сделай вот что, Алексей: забери остатки автомобильного сиденья и эти остатки кейса, отнеси в УВД, сдай на хранение, напиши рапорт, изложи в нем обстоятельства обнаружения дополнительных «вещдоков», укажи в рапорте также и то, что при обнаружении находился эксперт Комаров... Для порядка.

– Сделаю, – ответил Самарин и хотел было уйти. Его остановил Комаров.

– Да... Вот еще что... В ранее обнаруженных вещдоках я видел связку ключей. Если мне не изменяет память, это ключи убитого Колобова. Мне бросился в глаза один маленький ключик.

– Ты считаешь, что ключик от кейса Колобова?

– Не считаю, – поправил его Комаров, – а предполагаю.

– Понял: надо присмотреться к ключику и попробовать установить, подходит ли ключик к найденному нами замку бывшего кейса.

– Ты абсолютно правильно понял. Я думаю, что подходит. Но надо убедиться. И также на сей счет рапорт... по всей форме. Думаю, Фомин обрадуется.

Самарин уточнил:

– На имя подполковника Фомина рапорт писать?

– Нет, Алексей. На имя старшего следователя отдела по расследованию убийств областной прокуратуры Коротаева Ивана Емельяновича. Мы кто? Мы – народ нынче подневольный.

– Тогда – иду?

– До встречи! – сказал Комаров и зашагал в свою сторону.

7

Магазин «Товары для дома». Курбатов появился здесь, когда во всем чувствовалось приближение обеденного перерыва: и покупателей мало и расслабившиеся продавцы, предвкушающие предстоящий обед, но, прежде всего, отдых от покупателей, которые им явно осточертели.

Курбатов подошел к администратору.

– Сотрудник уголовного розыска, – представился он и полез в нагрудный карман за удостоверением.

Администратор так его и понял, поэтому поспешил успокоить:

– Я верю. Вас что-то интересует?

– Да, – Курбатов достал из пакета два замка. – По нашим данным, эти замки были куплены в вашем магазине...

– И что дальше? – насторожившись, спросил администратор.

– Мне нужно уточнить кой-какие мелочи...

– Связанные с приобретением замков?

– Именно. С кем мне лучше поговорить?

– Я вас познакомлю со старшим продавцом отдела Курдюковой Риммой Анатольевной...

– Курдюковой? – переспросил Курбатов.

– Да. А что? Что-то не устраивает?

– Нет-нет, что вы!

Они подошли к прилавку, где на витрине были сотни запорных устройств. Администратор, обращаясь к довольно полной женщине, разговаривавшей по телефону, сказал:

– Товарищ...

– Курбатов – моя фамилия.

– Товарищ Курбатов – из уголовного розыска. Ему, как понимаю, нужна консультация. Помогите, Римма Анатольевна.

Администратор вернулся на свое место. Римма Анатольевна, закончив неспешный разговор, положила трубку на телефонный аппарат.

– Слушаю, – сказала она, не глядя на Курбатова.

– Для начала, Римма Анатольевна, ответьте на один вопрос: вы кем приходитесь Курдюкову Денису Юрьевичу?

– А кто такой этот Курдюков Денис Юрьевич? – удивленно спросила Римма Анатольевна и неприязненно посмотрела на Курбатова.

– Вы такого не знаете?

– А почему я должна знать?

– Может, родственники.

– Нет, – решительно сказала Римма Анатольевна, – среди моих родственников таких не было и нет.

– Извините, но я обязан был уточнить, – не дождавшись никакой реакции от старшего продавца, Курбатов продолжил. – У меня вот замки, – он выложил на прилавок, – и в связи с ними есть несколько вопросов.

– Товарный чек сохранили?

– Да-да... вот, – он положил перед ней бумажку. – В феврале покупали.

– Какие проблемы? По качеству?

– Нет-нет, тут дело в другом.

– В чем именно?

– Мне, знаете ли, – Курбатов всегда терялся, когда сталкивался с подобной неприязнью, – надо уточнить одну деталь.

– Слушаю.

– У вас такие замки есть еще в продаже?

Римма Анатольевна отвернулась, потом дотянулась до верхней полки, достала один из замков и положила перед Курбатовым.

– Смотрите.

Курбатов пересчитал болтающиеся на связке ключи: их было пять. Он спросил:

– А это действительно такой же замок?

– Убедитесь сами. Глаза, надеюсь, есть?

– Скажите, пожалуйста, здесь пять ключей, а у тех, которые я принес, по четыре. Не скажете, почему?

- Не скажу. Мы продали товар в полном комплекте...
- То есть с пятью ключами?
- С пятью ключами, – подтвердила старший продавец.
- А может быть так, что на этот раз вы продали с четырьмя ключами?
- Некомплект?! Что вы такое говорите?
- Возможна ведь и ошибка.
- У нас такие ошибки исключены. Повторяю: товар мог быть продан лишь в том случае, если он в полном комплекте. Некомплект мы возвращаем поставщику.
- Значит, извините, что переспрашиваю, у этих замков должно было быть пять ключей?
- И ни одним меньше. А что покупатель говорит другое?
- Как раз покупатель также утверждает, что при покупке было пять ключей.
- В чем тогда проблема?
- Проблемы нет. Мне надо было лишь уточнить... удостовериться в факте.
- Удостоверились? Всего наилучшего, – и старший продавец повернулась к Курбатову спиной.

8

В помещение вошли Коротаев и Тагильцев. Следовательно прошел за стол, присев, стал раскладывать бумаги. Адвокат, оглядевшись, не найдя, куда можно было бы примоститься,

остался стоять.

Шилов пробурчал:

– Мог бы и пораньше прийти... Как-никак, но не задаром, вишь ты.

Никто не отреагировал на его бурчание.

– Итак, гражданин Шилов, допрос проводит, как и прежде, старший следователь Коротаев Иван Емельянович. На допросе присутствует ваш адвокат Тагильцев. Жалобы? Заявления? Просьбы? – Шилов промолчал. – Выходит, отсутствуют. Начнем, что ли?

Шилов снова забурчал:

– Начинать нечего... вишь ты.

– Как это «нечего»? Работы у нас много, можно сказать, непечатый край. Как говорится, осталось начать и кончить.

Адвокат Тагильцев пояснил:

– Мой подзащитный имеет в виду, что он по-прежнему не намерен давать показаний.

Коротаев спросил:

– Это так, подследственный?

– Само собой, вишь ты.

– Да или нет?

– Да-да-да!.. Вишь ты!

– Сожалею. Но это ничего не меняет. Допрашивать все равно я обязан.

Коротаев замолчал. Он с минуту смотрел на подследственного, думая о чем-то своем. А потом спросил:

– Какие у вас взаимоотношения с женой, гражданин Шилов?

– Жена? Что жена? Причем тут баба?!

Коротаев усмехнулся.

– Ни при чем, конечно. Но все же...

– Не для протокола? – настороженно спросил Шилов и посмотрел на адвоката. Тот кивнул, давая понять, что его уточнение вполне уместно.

– Именно так, подследственный, – подтвердил следователь.

– Ну... это... значит... Давно живем... Баба ничего... Лаемся иногда... По пустякам, вишь ты... А так... Ничего... Не хуже других живем... В чем-то даже лучше. И что от мужика надобно бабе-то? Чтоб бабки тащил в дом, а не из дому... Ей грех жаловаться...

– А и радоваться особо также нет причины, – заметил Коротаев.

– С чего вы взяли, товарищ следователь?

– Я вам не товарищ... К счастью.

Шилов поспешил поправиться.

– Извините, гражданин следователь.

– Охотно извиняю... Это какая у вас ходка?

– Никакая, – недовольно ответил Шилов. – А было всего три.

Коротаев, с трудом скрывая издевку, спросил:

– Всего три? Так мало?

– Мне хватило.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Сам не знаю. Схватили. «Шьете» дело... «Мокруху», значит.

– Ваша жена была у меня, – заметил следователь, оставив последние слова подследственного в стороне.

– Жена? – удивленно переспросил Шилов. – Ей-то, какая нужда?..

– Беспокоится. Хотела получить разрешение на свидание.

– И вы, ясно дело... вишь ты...

– Не разрешил. С какой стати я должен идти навстречу, когда подследственный отказывается от сотрудничества?

– Ну... вишь ты... Одно с другим не связано.

– Это вы так считаете, подследственный. Мое мнение – иное.

Тагильцев заметил:

– Я не советовал ей ездить, но жена, оказывается, упрямая...

– Как ослица, – удовлетворенно сказал Шилов, потирая руки. – Упрется – и все! Ни с места. Будет стоять на своем. Она – такая!.. Вишь ты...

Коротаев сказал:

– Допросил вашу жену в качестве свидетеля по делу...

Шилов тотчас же насторожился:

– Что она наболтала?

Коротаев ответил:

– У вас, гражданин Шилов, еще будет возможность познакомиться со всеми материалами уголовного дела. Пока же скажу одно: она не верит, что вы убили...

Шилов прервал:

– Баба-то, хоть и с куриными мозгами, а и она понимает, что я – не убийца. Соображает, вишь ты. Не чета вам.

– Пожалели бы жену. Надоело ей таскаться с передачами по колониям.

– Никто не заставляет.

– Чувствует ответственность. Потому что жена. Скоро, вот, снова...

Шилов прервал:

– Ничего не «скоро»! Ничего не «снова»! Ничего не выйдет! Не лепите!

– Мой подзащитный прав, – вступился адвокат Тагильцев. – У вас явно просматривается обвинительный уклон.

– Позвольте и мне напомнить вам, адвокат: я представляю одну сторону – сторону обвинения, вы представляете другую сторону – сторону защиты. Поэтому вполне естественно, что у нас с вами разные «уклоны».

Тагильцев возразил:

– Все равно: следователь обязан быть объективным.

– А я разве не объективен? Объективность – это то, что существует вне и независимо от субъекта, основанное на источнике наших знаний на данный момент. Получим новые знания, рассмотрим их в совокупности, а затем определим

либо новую объективную реальность, либо еще больше укроемся в прежней объективной реальности. Таким образом, я сужу по тому, что имею. А имею пока лишь то, что обвиняет подсудимого. Но не имею ничего, что хоть как бы оправдывало.

Тагильцев опять возразил:

– Человек видит лишь то, что хотел бы видеть.

– Надеюсь, последнее замечание касается и вас, господин адвокат? К тому же, – Коротаев усмехнулся, – в мою задачу входит тщательное проведение следственных мероприятий, чем я и занимаюсь, подготовка обвинения и передача дела в суд. Осудить или оправдать – это дело суда.

– Да, но и следователь вправе прекратить следствие по делу...

– Вправе, но лишь в одном-единственном случае: если есть на то объективные данные. Повторяю: на данный момент их нет. И адвокат, кстати, их тоже не представил. Впрочем, – Коротаев посмотрел на Шилову, – подсудимый сильно заскучал в ходе нашего философского спора о том, что объективно, а что нет, – следователь придвинул поближе к себе бумаги. – Перейдем к сути уголовного дела. Я задам вам, гражданин Шилов, несколько вопросов, а вы вольны отвечать на них или нет.

Шилов недовольно покрутил головой.

– Значит, для протокола?

– Естественно. В ходе проведения следственных меро-

приятный сотрудники уголовного розыска установили, что вы, именно вы (материалы это подтверждают) написали анонимку на Колобова и затем отправили дознавателю. Теперь к вам вопрос: вам действительно что-то известно по факту аварии на путепроводе? Если известно, то что?

Шилов пробурчал:

– Ничего мне не известно. С дуру написал... Идиот, вишь ты...

– Я так вас понял, что вы признаете факт написания и отправки анонимки, но отрицаете, что располагали какой-либо информацией. Тогда другой вопрос: с какой целью, что вы преследовали, зачем вам это понадобилось?

– Озлобился... Перестал себя контролировать.

– Понимаю так, что вами управляла злоба. Еще вопрос: на что или на кого?

Вмешался адвокат:

– Подзащитный, напоминаю, что вы имеете право не отвечать.

Шилов буркнул:

– И не буду!

– Хорошо. Так и запишем: допрашиваемый отказался отвечать на вопрос, воспользовавшись правом, предусмотренным статьей пятьдесят один Конституции РФ. Следующий вопрос: какие у вас были взаимоотношения с Колобовым, с одним из сопредседателем НТПС? – в ответ – молчание. – Будете отвечать?

– Нет, – пробурчал Шилов. – Но у меня есть встречный вопрос: какое отношение имеет Колобов?

– Напоминаю: вопросы здесь задаю я. А вы, гражданин подследственный, либо отвечаете на них, либо нет. Вам ясно? – Шилов ничего не ответил. – Значит, ясно. Переходим к другому вопросу: согласно данным, полученным оперативным путем, у вас произошел инцидент с Колобовым в спортивном клубе тяжелой атлетики. Поясните, что это был за инцидент? И с чем связан? Будете отвечать?

– Повторяю: нет!

– Как вас понимать? Нет, ни с чем не связан? Или нет, не станете отвечать на поставленный вопрос?

– Не буду отвечать на поставленный вопрос.

– Хорошо. Так и запишем в протоколе. На этом, пожалуй, сегодняшний допрос я закончу, – Коротаев подписал протокол и протянул подследственному. Шилов, не читая, расписался. – Напрасно не стали читать.

– Что мне там читать? Я ничего не говорил.

– Мое дело вам напомнить, а ваше дело поступать так, как вам вздумается, – следователь придвинул листки протокола поближе к Тагильцеву. – Теперь – ваш черед.

Тагильцев неспешно прочитал эти два листочка протокола, потом еще раз прочитал и лишь после этого, не найдя никакой зацепки, поставил свою подпись.

Следователь обратился к охраннику:

– Уведите подследственного.

Охранник подошел к Шилову. Тот встал.

– Гражданин следователь, можно просьбу?

– Просьбу можно.

– Нельзя ли меня перевести в другую камеру?

– Это еще с какой стати?

– Одни салажата... вишь ты... Неинтересно с ними...

Сопля зеленая.

– С этой просьбой – к администрации следственного изолятора. Ваше ходатайство может поддержать и адвокат.

Охранник скомандовал:

– Руки!

Шилов покорно закинул руки назад, и на них вновь оказались наручники.

9

Гостиница «Тагил». Самарин нашел нужный ему номер и постучал. Он предупредил о приходе, а все же постучать не мешает. Как-никак, а люди из области, значит, уже начальство. Что ни говори, как ни кочевряжься, что ни выделяй из себя, но тагильчанин есть тагильчанин: хоть и не сильно дальняя, а все-таки провинция. Нет того столичного лоска, нет!

Тагильчане (это-то Самарину хорошо известно) невероятно заносчивы и самолюбивы. Особенно из числа номенклатуры – как прежней, так и нынешней. Болезненно реагиру-

ют на любое слово, доносящееся из области. Не учите, мол, ученых: сами с усами. Однако (увы, но это так) учить есть чему, и учиться есть кому.

Гонору-то (Самарин не отрицает) у екатеринбуржцев не меньше будет. Когда приезжает сдавать экзамены (он учится в юридической академии), то видит же, до чего местные высокомерны по отношению к провинциалам. Будто они люди второго сорта. А ведь (если уж говорить начистоту) ту-пиц среди них не меньше и «шпорами» пользуются никак не реже. Тоже строят из себя невесть что. Апломба сколько, апломба!

Но его теска, Алешка Курбатов – не из их числа. По всему видно, умница. Поперек родительской воли, будто бы, пошел. Ему карачилась аспирантура. По меньшей мере, мог претендовать на должность следователя городской прокуратуры (диплом-то у него красный). А он? В сыщики двинул: это, будто бы сказал, по мне – и все! Сыщик, понятно, всего лишь в первом поколении.

Не то, что он, Самарин, у которого отец всю жизнь прослужил в милиции. Отец, правда, далеко не пошел. Но он и не гнался за чинами. Кулацкий сын. За то на отца всю жизнь косо смотрели. Но отцу (этим Алексей Самарин страшно гордится) не стыдно смотреть людям в глаза: служил честно и не крохоборничал, как иные, а потому семья жила и живет скромно. Зато – в чистоте! А это многого стоит. Особенно в нынешние времена.

Нынешние времена? А чем, собственно, они отличаются от прежних. Люди? Те же! И кабинеты у многих те же: таблички разве что поменяли. Нутро-то, нутро прежнее. Отец рассказывает: до чего ж партноменклатура была жадной?! Хватала и тащила – жареным и пареным. И не тронь! Не сметь прикасаться! Неприкасаемые, выходит. Глядя на них, и в милиции иные побিরались. Говорить, правда, об этом вслух не принято было. Разве что на кухнях. Он был подростком, когда услышал о том, что под Нижним Тагилом тоже есть свой «БАМ». Так народ прозвал садоводческое товарищество, что неподалеку от крохотного поселка Борск. Здесь садоводы – сплошь городская элита и все наезжали в сверкающих лаком черных «Волгах». Вот где люди строились так строились! Какие коттеджи возвели – с мезонинами и балкончиками! Рассказывали, будто бы самая большая достопримечательность была скрыта под землей. Там, под коттеджами находились просторные подвалы, пол и стены были облицованы импортной плиткой, а температуру поддерживали огромные холодильные камеры. В этих подвалах номенклатура хранила припасы. В это садоводческое товарищество чужак попасть не мог – все свои: секретари горкома и райкомов КПСС, председатели горрайисполкомов, директора крупнейших промышленных предприятий, прокуроры, судьи и, естественно, высшее руководство тагильской милиции.

Почему «БАМ»? Потому что народ так назвал, а расшиф-

ровывал эти три буквы так – БОРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МОШЕННИКОВ.

Знала ли элита об этом? Не могла не знать. Но ее это ничуть не смущало. Потому что принадлежит к избранным, к сливкам советского общества. Принадлежать к сливкам считалось престижным. Этим гордились. За это держались, вцепившись мертвой хваткой, обеими руками.

– Да-да! Входите! – услышал капитан Самарин из-за двери. По его мнению, это был голос капитана Курбатова.

Самарин вошел. Огляделся. Он искал вешалку. Нашел. Снял штормовку и повесил на крючок.

– Чего топчешься? Проходи!

Из предбанничка ему не видно, но сейчас он уверен: голос Курбатова. Курбатов, видно, догадался, кто пришел.

Самарин прошел. Вновь огляделся по сторонам.

– А где все?

– Да проходи и присаживайся за столом. Господин подполковник, – Курбатов широко ухмылялся, – сейчас будет. Он изволит принимать душ. С полчаса уже плещется. Слышишь?

Из ванной доносился шум воды и басовитое кряхтенье.

Курбатов продолжал:

– Доконает он нас своим плесканием. Честное слово, доконает когда-нибудь. Утром полчаса, вечером полчаса. Иногда, ты представляешь, ночью встает и идет принимать душ. Явный сдвиг по фазе.

– Чистота – залог здоровья, – это сказал подполковник Фомин, появившись в комнате неожиданно. На нем был его неизменный нежно-розовый махровый халат. Полотенцем он усердно вытирал голову. Он кивнул головой Самарину. – Привет! Ты не стой, ты присаживайся. Будем ужинать.

– Я... собственно... Александр Сергеевич... намеревался дома поужинать.

– Разговорчики в строю! – шутливо прикрикнул Фомин.

– Слушаюсь, господин подполковник! – и Самарин, вытянувшись в струнку, приложил ладонь к голове.

Фомин, увидев, закачал головой.

– Ай-яй-яй. Как нехорошо-то, как нехорошо!

Самарин спросил:

– Александр Сергеевич, что-то не так?

– Еще как! Еще как! Забыли, сударь, что честь в данном случае отдавать не положено? Устав для кого писан, а? Я в халате... Да и ты также не в форме.

– Я же в шутку, Александр Сергеевич, – Самарину показалось, что подполковник всерьез его укоряет.

– Над Уставом изволите шутить, сударь? Устав есть Устав – это документ, не терпящий никаких вольностей. Ясно, Самарин?

– Так точно, господин подполковник!

– То-то же, – Фомин погрозил пальцем и скрылся в соседней комнате. Оттуда продолжалось доноситься его ворчание. – Я покажу вам, шельмы, как над Уставом шутить.

Вы у меня еще попляшете. Ишь, что вздумали? Шутить над святая святых?!

Курбатов готовил ужин. Самарин предложил:

– Тебе помочь?

– Я заканчиваю. Порежу помидорчики, разложу на тарелке – и все.

– Каждый сам мог...

– Приятнее, когда на столе порядок. Так... ветчина нарезана, колбаса тоже, хлеб есть, соль, перец, горчица... Шеф острое любит... Ах, да, – он взял пучок зеленого лука, сбегал к мойке, прополоскал и положил на столе. – Майонеза, правда, маловато.

– И так сойдет.

– Ты плохо знаешь шефа: он такой гурман.

– Не клевети на начальство, – пробасил за его спиной Фомин. Он был в брюках и голубой шелковой рубашке с закрученными рукавами выше локтя. Он сел на один из стульев. – Ну-с, господа, приступим, что ли, к вечерней трапезе?

Фомин выбрал самый толстый ломоть хлеба, положил на него сначала пластик колбасы, на нее пластик ветчины, еще две половинки вареного яйца, посолил, поперчил, сверху полив майонезом, стал медленно жевать.

– Стол-то царский, – заметил Самарин. – Если б знал, – он из пальцев сделал соответствующую фигуру, – то прихватил бы.

– Ты что?! Ни-ни! – Курбатов сделал мрачное лицо.

– Почему? Во вне служебное же...

– Все равно. У нас здесь монастырские порядки... Шефом заведенные...

Самарин возразил:

– Но даже в церкви причащаются и за грех не считают.

– У настоятеля нашего монастыря свои порядки и ты уж, пожалуйста, со своим Уставом к нам не лезь. У нас – сухой закон. И вообще: никаких излишеств.

Фомин ухмыляется и молчит. Он занят более важным делом, чем трепотня. Он встает, идет к холодильнику, приносит двухлитровую бутылку минеральной воды «Обуховская», наливает себе и придвигает ребятам.

– Привык, знаете ли, обязательно припивать.

Самарин спросил:

– А где капитан Комаров?

– Временно отсутствует, – ответил Фомин.

Курбатов же пояснил:

– Отпросился у шефа и уехал домой: завтра у жены день рождения.

– А я думал... Он мне ничего не сказал...

– К ночи обещал подъехать, – добавил Курбатов.

Фомин сказал:

– Пусть только попробует не подъехать.

– И что с ним будет, Александр Сергеевич?

– Три шкуры я с него спущу и голым в Африку пущу.

Курбатов засмеялся.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу.

– А что? Я – такой.

– Именно «такой», – обращаясь к Самарину, Курбатов заметил. – Надоел со своим афоризмом. Только и твердит с утра до ночи: делу – время, делу – время, потехе – час.

Фомин, дожевывая бутерброд, возразил:

– Не мой афоризм, а Аллы Пугачевой. Из ее это песни.

– Да? – Курбатов ухмыльнулся. – А мне чудится, что господин подполковник приватизировал. Или прихвати-
зировал, а?

Курбатов встал, взял чайник, сходил за водой и поставил кипятиться.

– Чай? Кофе? – спросил он.

Фомин откликнулся вопросом на вопрос:

– А чай у нас еще есть?

– Есть, но немного, – ответил Курбатов.

Фомин удивился.

– Два дня назад двухсотграммовую пачку лично купил.

– На сегодня хватит, – успокоил Курбатов.

Фомин заворчал:

– Водохлеб несчастный. Беспреданно – все чай, да чай
хлещет.

Курбатов понял, в чей огород камешек.

– Ничего другого не остается, когда на все остальные на-
питки строгое табу.

Самарин сказал:

– Я, пожалуй, выпью кофе.

– Ради Бога: порошок и сахар – на столе.

– Мама будет сердиться, – сказал Самарин, накладывая в стакан кофе и сахар.

– За что? – спросил Фомин.

– Ей не нравится, когда прихожу сытым. Сердится, что плохо ем.

Курбатов философски заметил:

– Все матери одинаковы.

Фомин, отвалившись на спинку стула, попивая маленькими глоточками чай, сказал:

– Ну-с, господа офицеры, пора и честь знать. Побаловались, теперь – за дело. Настала пора подвести итоги дня, обсудить и поразмыслить. Надеюсь, есть над чем, не так ли?

Курбатов согласился:

– Думаю, что да.

– Докладывай первым, если так.

– Я работал с Отрадновыми...

Фомин спросил:

– Это кто? – и тут же спохватился. – А... Ну, да...

Курбатов продолжал:

– Изучив обстановку на месте, я пришел к однозначному выводу: из гранатомета стреляли с лоджии именно квартиры Отрадновых.

– В этом никто и не сомневается, – обронил Фомин.

– А откуда у тебя, Александр Сергеевич, такая уверен-

ность?

– Знаю – и все.

– И, конечно, утаишь, откуда?

– Утаю... Пока...

– Может, тогда и не стоит докладывать? – спросил Курбатов.

– Не обижайся, Алексей. Докладывай, а я – молчу.

– Следующий вопрос: как мог преступник оказаться на балконе?

Самарин, только что опорожнивший второй стакан кофе, спросил:

– Какой этаж?

– Второй, – ответил Курбатов.

– Преступник, – продолжил Самарин, – мог попасть всеми путями: сверху, снизу, слева, справа. «Домушники» так и делают.

– Все четыре варианта исключаются полностью.

– Почему? – недоверчиво спросил Самарин.

– Лоджия застеклена...

– Кстати, – спросил Фомин, – лоджия, а не балкон?

– В этом случае именно лоджия, Александр Сергеевич, хотя в этом доме есть и балконы.

– Ну и что? – Самарин продолжал возражать. – Так трудно, что ли?

– Окна соседей слева и справа – на приличном расстоянии. К тому же нельзя было попасть, не повредив остекле-

ние.

– Как я догадываюсь, хозяев дома не было...

– Не было, – подтвердил Курбатов.

– Значит, что? – продолжал развивать свою мысль Самарин. – Хозяева могли оставить одну из створок открытой. Забыли – и все. Разве не бывает?

– Это не тот случай. Старики утверждают в голос, что перед поездкой в сад они всегда закрывают створки рам. Закрыли и в этот раз.

– Все-таки могли забыть.

– Но не забыли. Потому что из материалов осмотра, который проводился вскоре после выстрела, явствует: все было закрыто.

– Это другое дело. Это аргумент. Хотя... Ну, ладно.

– Итак, – продолжил Курбатов, – остается одна возможность: проникновение через дверь квартиры.

– Скорее всего, так и было, – на этот раз сразу согласился Самарин. – Подобрать ключи для специалиста – не проблема.

– Экспертиза однозначно определила: замки открывались родным ключом. Отсюда вывод: ключи как-то оказались у преступников или у преступника. Я спросил хозяев: давали ли они ключи (хотя бы на короткое время) кому-либо? Категорически отрицают. Они сказали, что замки новые, куплены в феврале (это соответствует истине) и ключи никто из посторонних не мог даже в руках держать.

– И все-таки посторонние оказались в квартире.

– Да, оказались, – согласился с Самариным Курбатов и добавил. – Девочка, которая живет под Отрадновыми, говорит, что перед грохотом (так она определяет выстрел) слышала наверху осторожные шаги. Я попросил, чтобы хозяева мне представили все ключи, в том числе и запасные, которые прилагались к замкам при покупке. Они выдали ключи. Они после этого случая вынуждены были вновь заменить замки, поэтому старые они не выкинули. Сказали, что замки целые и их жалко выбрасывать. Оказалось в наличии четыре пары ключей (замка два). Я стал спрашивать: сколько ключей было при покупке в магазине? Мнения стариков расходятся: один утверждает, что пять пар, другой – четыре, точнее – не помнит. Я понял, что одна пара ключей могла исчезнуть. Чтобы окончательно утвердиться в своем мнении, пошел в магазин, где покупали старики эти замки. Аналогичные замки все еще имеются в продаже. Мне их показали. Я убедился своими глазами, что к каждому такому замку прилагается пять ключей. Значит, где еще пара ключей? Как и когда исчезла? Кто мог похитить? Ответив на эти вопросы, можно выйти на фигуранта по делу. И тогда хоть какая-то зацепка будет.

– Не какая-то, – поправил его Фомин, – а существенная.

– Так, Александр Сергеевич, – спросил Курбатов, – мне продолжать?..

– Несомненно. Ты на правильном пути. Поверь моему

опыту.

Курбатов пошутил:

– И, конечно, твоей хваленной интуиции?

Фомин вполне серьезно ответил:

– Ей – тоже. И дополнительно поручаю: надо найти мужчину шестидесяти двух или шестидесяти пяти лет, естественно, пенсионера, роста метр шестьдесят пять, среднего телосложения, – увидев недоумение на лице Курбатова, уточнил. – Он – очевидец выстрела из гранатомета. Его надо найти и допросить.

– Мне?

– Нет, не тебе, а следователю прокуратуры Овсянникову. Свяжись с ним и договорись, когда тот сможет допросить важного свидетеля.

– Свидетеля, как я понимаю, пока нет, – возразил Курбатов.

– А ты на что? Поле для поиска довольно узкое...

– Да уж, – недоверчиво произнес Курбатов и хмыкнул. – С такими-то приметами.

– А что приметы? Приметы неплохие. Во-первых, свидетель живет где-то совсем близко от места преступления. Возможно, даже в том же доме, из которого стреляли по офису Колобова.

– Уже теплее, – сказал Курбатов.

– Еще теплее станет, когда скажу, что этот самый очевидец работал на тот момент (возможно, до сих пор работает)

ночным сторожем в офисе Колобова.

Курбатов подозрительно посмотрел в глаза шефа.

– А тебе-то откуда известны все эти детали?

– Алексей, не задавай глупых вопросов.

Курбатов хмыкнул:

– Сплошные тайны... Даже от коллег.

Фомин усмехнулся:

– Что же это за тайны, если ими делюсь с вами?

– Забавно, Александр Сергеевич, но и мое сообщение также связано с ключами, – заметил Самарин.

Фомин встрепнулся и тотчас же посерьезнел.

– Ты о чем?

– Разреши, Александр Сергеевич, изложить все по порядку. И, пожалуйста, не перебивай, а то я сбиваюсь и начинаю городить совсем не то.

– Не замечал. Впрочем, молчу.

– Вчерашним днем я случайно столкнулся с Комаровым.

Ну, он и попросил меня о помощи.

– На предмет чего? – не удержался-таки Фомин от вопроса.

– Он решил своими глазами осмотреть место взрыва автомобиля Колобова.

Фомин недовольно покрутил головой.

– Но зачем это ему? Столько времени прошло!

– Александр Сергеевич, а где обещание?

– Хорошо-хорошо. Молчу.

– Я решил помочь. Пришли на обозначенный перекресток. Часа два с половиной ползали. Он, то есть Дима, ничего, а я кое-что нашел. Например, остатки сидения, принадлежавшего, очевидно, взорванному автомобилю.

– Паразиты! – воскликнул Фомин. – Даже место преступления толком не умеем осмотреть. Как можно было не увидеть такой вещдок?! Извини, Алексей. Продолжай.

– Я нашел не только это.

– Что еще? – теперь вопрос задал Курбатов.

– Нашел нечто, сильно поврежденное взрывом. При визуальном осмотре Комаров определил: находка – есть деталь кейса. Судя по повреждениям, этот кейс находился внутри взорванного автомобиля. Более того, Комаров рискнул предположить, что в этом самом кейсе могло находиться взрывное устройство.

– Так-так-так! Продолжай, Алексей.

Гончая в лице подполковника Фомина сделала стойку. И это заметили все.

– Вас, конечно, интересует, что за деталь я нашел?

– Нет слов, как интересует! – по-детски выкрикнул Фомин, сгорая от нетерпения.

– Комаров считает, что это передняя планка кейса, то есть та часть, на которой крепятся запорные устройства.

– Так-так-так! – Фомин уже не мог сидеть на месте и зашагал по кабинету, то и дело останавливаясь за спиной Самарина.

– Замка, как известно, бывает два. Один очень сильно поврежден, а другой – цел и исправен.

Фомин умоляюще смотрел на Самарина.

– Давай, миленький, продолжай. Чую, что тут есть какая-то разгадка. Ну, чую?!

– Чутье тебя, Александр Сергеевич, не подводит.

– Да?! Это правда?! – Самарин кивнул. – Тогда – не томи.

– Капитан Комаров вспомнил, что среди вещдоков, собранных по факту взрыва автомобиля Колобова, он видел связку ключей. По описи определил: это ключи, изъятые из карманов пиджака Колобова. Следовательно? Это его личные ключи. Он также вспомнил, что в связке был один маленький ключик. Он предположил, что этот ключик от кейса Колобова, от того кейса, который находился в момент взрыва в автомобиле. Капитан Комаров попросил меня надлежаще оформить найденные вещдоки и передать на хранение. Я это сделал, – Самарин полез в папочку, лежавшую возле него, и достал оттуда три исписанных мелким почерком листа, протянув в сторону Фомина, добавил. – Это – следователю. Рапорт. Составил по всей форме. Здесь же акт о передаче найденных вещдоков. Извини, Александр Сергеевич, что не на твое имя рапорт. Комаров сказал, что надо на имя следователя Коротаева.

– Все правильно, – Фомин пробежал текст. Потом отложил, не дочитав, документы в сторону. – Но ты что-то упустил. Мне так показалось? Или я не прав?

– Нет, в рапорте есть все.

– А в рассказе? – продолжал настаивать Фомин.

– Да... Кажется... Я не дорассказал про ключик. Так вот: Комаров меня попросил, чтобы я попробовал определить, подходит или нет ключ, найденный в карманах Колобова, к замку, что на детали, найденной мною. Он высказал предположение, что ключик, скорее всего, подойдет. Но он ошибся. Ключик от другого кейса, такого же, возможно, но от другого.

Фомин подскочил к Самарину и стиснул его плечи своими ручищами.

– Но-но, нельзя ли поосторожнее, господин подполковник? Можете и инвалидом же сделать..

– Алёшка, дорогой, но это же открытие! Ты хоть понимаешь?!

Самарин отрицательно покачал головой.

– Не понимаю: где и в чем тут открытие? Нестыковки, да, которые нуждаются в проверке, но не открытие.

– А открытие в том, что взрывное устройство не находилось в кейсе самого Колобова. Взрывное устройство могло находиться в другом кейсе. Значит? Это не был несчастный случай, как пытались представить дело в местной прокуратуре. Колобова взорвали! Взорвали умышленно.

Курбатов попытался охладить разгоряченные мозги подполковника.

– Спешись, Александр Сергеевич. Впереди паровоза пы-

таешься бежать.

Фомин фыркнул.

– Боюсь, Курбатов, что я прав и мы близки к разгадке одной из загадок, ради которых мы сюда приехали.

Курбатов попробовал пошутить:

– Опять интуиция?

Фомин не прореагировал. Он подбежал к тумбочке, снял трубку с аппарата и стал набирать номер. Долго никто не отвечал.

Курбатов догадался.

– Комарову звонишь?

– Кому же еще? – в сердцах ответил Фомин и продолжал ждать.

– Но он...

– А вдруг... – и тут на том конце провода кто-то снял трубку. – Добрый вечер... Квартира Комаровых?... Извините, но мне срочно нужен Дмитрий... Со службы... Да... Да... Знаю... Поэтому и звоню... Извините, ради Бога... Дим, привет!.. Ничего не случилось... По крайней мере, у меня, Дим... А у тебя случилось и очень важное... – Фомин рассмеялся. – Не тревожься... Все в порядке... Я поздравляю... Ну, ты, братец, сам знаешь, с чем... Уехал и мне ни слова... Даже записки не оставил... Понимаю... Понимаю, что спешил на электричку... Вот что... Есть экстренное поручение... Обычное... По твоему профилю... Да... Один из найденных вещдоков... Да... Срочно! Как только вернешься,

сразу бери и айда обратно в Екатеринбург... Как это «зачем»? Что за странный вопрос? Вопрос дилетанта, а не специалиста... Ну... Вот... Я об этом... Вещь, конечно, долго провалялась на улице, но спектральный и химический анализы... Ты понимаешь... Если взрывное устройство находилось там, то все равно ведь хоть крохотные частицы должны забиться в поры и сохраниться... Я понимаю, что ты понимаешь... Как это «не надо»?! Ты что, в самом деле?! Срочно надо... Что?.. Ты... Уже?.. Тогда... Ну, знаешь ли! Ради такой оперативности я готов на несколько суток в нашей обители отменить сухой закон... Это не мало, да не мало... И не смейся... Будь здоров! И от меня поздравь жену... Я, черт старый, совсем забыл...

Фомин положил трубку. Тески ждали, что скажет шеф. Они не совсем поняли концовку разговора. Фомин подошел к парням. Обнял обоих сразу своими лапами, прижал к себе.

– Ну, мужики! Нет слов! Какие вы сегодня молодцы! Все трое молодцы! Какой удачный сегодня день. Спасибо всем вместе и каждому в отдельности! Такой удачи давно не случилось. Тысячу раз народ прав: кто ищет, тот всегда найдет... Да с такими мужиками... Да не управиться с бандюгами?!

– Не захвали, Александр Сергеевич, – заметил Самарин.

– Да-да, ты прав. На сегодня хватит. Иди-ка, Алешка, домой. Иди к матери. Иди к отцу.

– У меня, между прочим, и жена появилась, – обиженно добавил Самарин.

– Извини. Конечно, и к жене. Тем более надо. Молодой муж не должен забывать про свою молодую жену.

Самарин позволил себе съязвить, чего он почти никогда не позволял по отношению к Фомину:

– Молодую нельзя, а старую?

– Извини. Я это для красного словца ведь сказал. Разве могу я забыть свою, к примеру, старушку? Конечно, я не идеальный муж, но забыть – нет-нет!

Глава 5. Проныра

1

Полковник юстиции Коротаев, войдя в кабинет, снял легкую летнюю куртку, пиджак, повесил на гвоздик, вбитый кем-то в стену, пригладил седую шевелюру на голове, зашучил до локтей рукава рубашки, сел за стол, из его бокового отделения достал ежедневник, пробежал прежние записи, перелистнул страницу и стал быстро-быстро писать. Встал. Подошел к окну. Улица Малышева оживала на глазах: все больше машин, все гуще поток пешеходов, спешащих на службу. Несколько яблонек-дичек на той стороне надели на себя белоснежные пышно цветущие сарафаны. Он потянул носом. Ему показалось, что ощутил нежный аромат поздней весны.

Коротаев тяжело вздохнул, взял чайник и пошел за водой. Вернулся. Поставил. Включил в сеть. Без двух стаканов, как минимум, чая, выпитого прежде, он не в силах приступить к исполнению своих обязанностей: привычка, выработанная десятилетиями. Его чай – это допинг, без которого не обойтись, который бодрит, поднимает жизненный тонус, особенно необходимый сегодня, когда ему исполняется шестьдесят.

Вчера еще ему сообщили: к двенадцати у себя ждет прокурор Казанцев, трубит, мол, большой сбор по случаю юби-

лея, а на вечер назначен праздничный ужин (исключительно для коллег) в ресторане «Малахит» (свои-то, семейные торжества он решил провести в ближайшую субботу: как будто, раньше срока праздновать не полагается – плохая примета).

Всякая встреча с Казанцевым, новым прокурором области, его, Коротаева, тяготит. Дело в том, что лет восемь назад, будучи в Нижнем Тагиле, где Казанцев тогда был еще прокурором Ленинского района, Коротаев поцапался с ним. По делу, ясно. Лай был еще тот! Крепко пособачились. Однако пожар тотчас же потушили: друг перед другом извинились и обеими сторонами конфликта извинения были приняты. Помнит ли Казанцев? Он, Коротаев, хорошо помнит и чувствует себя неловко как-то. И вовсе не потому, что стало боязно, когда тот стал его начальником. Чего ему страшиться-то? За место? Но он давно заявил: исполнится шестьдесят и уходит. Так что лебезить перед новым начальством у него нет нужды. Закончит это дело, передаст в суд и – прости-прощай.

Коротаев, глядя в окно, хмыкнул. Он, откровенно говоря, и прежде не лебезил ни перед кем. Занозой под кожу не лез, но и не угодничал. Он – сам по себе, как говорится, себе на уме. Полковник Алексеев, ушедший недавно на пенсию, – другой. Чуть что – вспыхивал... как порох: искры – во все стороны, дым – клубами. И зря. Нервные клетки не восстанавливаются. Коротаев снова хмыкнул. А сам? Тот хотя бы случай с Казанцевым. Зачем загорелся? Ради чего собачил-

сы? Что и говорить: нервы – ни к черту. А ведь по молодости толстокожим бегемотом называли. Плевать хотел он на начальство, а все же понапрасну на рожон не полезет.

Помнит ли Казанцев? Все-таки помнит, хотя вида не показывает. С ним, Коротаевым то есть, редко напрямую контактит, но всегда корректен, ничем не напоминает.

А хотя бы и напомнил – беда не велика. Подумаешь! Он повидал всякого и всяких. Взять хотя бы знаменитое «хлопковое дело» по Узбекистану. В оперативно-следственную бригаду Генеральной прокуратуры СССР тогда входили сотни следователей и оперативников, в том числе и он, Коротаев. Крепенько пошерстили тогда тамошнюю мафию. Не ударил лицом в грязь и он, Коротаев, хотя ему деньги предлагали огромные: внукам бы хватило.

Да, есть что вспомнить. Коротаеву до сих пор удивительно: столько лет советской власти, а в Узбекистане этой самой властью и не пахнет. Все, как до семнадцатого года. Председатель колхоза – маленький бай. Секретарь райкома КПСС – побольше, но тоже бай, секретарь обкома КПСС – большой бай, а самый-самый главный бай в республике – первый секретарь ЦК компартии. И отношения между ними соответствующие – байско-кланово-родовые, то есть феодальные. И распределение национального продукта соответствующее: на самом верху – невероятная роскошь, а на самом низу – жуткая нищета и голод.

Знали ли в Москве об этом раньше? Еще как знали!

Не только знали, а и пользовались. Ниточки-то того громкого дела потянулись в Москву. Как только Гдлян и Иванов «нацелились на Москву» – им по шапке и по рукам. Тогдашний главный перестройщик и демократ Горбачев (он или его ближайшие помощники – какая разница?!) укоротил раздухорившихся парней из генпрокуратуры.

И все-таки пощипали. Жаль, что в колонии угодила лишь мелкая рыбешка, главная хищная особь осталась на плаву и ныне правит бал в новых и суверенных государствах. Значит? Продолжает нагуливать жир. Нищие стали еще беднее, богатые стали еще богаче. Это, видимо, и есть социальная справедливость.

Коротаев осуждает Тельмана Гдляна и Николая Иванова. Осуждает за то, что эти юристы-профессионалы высочайшего класса (уж в этом-то он смог воочию убедиться) ударились в политику. И, в конце концов, затерялись в этом безбрежном океане людей и людишек. Где они сейчас? Кто о них знает? Коротаев хорошо помнит тот день 1989 года, когда пришло известие, что их оперативно-следственная бригада расформировывается. С обидой вернулся к себе Коротаев. И с письменной благодарностью за верную службу от Генерального прокурора СССР.

Увидев, что чайник давно парит, выключил и налил в стакан, где уже был пакетик чая. Не любит он чай в пакетиках (все равно, что спать с женой в надетом презервативе), но приходится. Нет условий. Да и возни слишком мно-

го с чайником-заварником. Поначалу пользовался термосом, принесенным из дома. Но это еще хуже. Да и мало. По его потребностям термосов не бывает.

Он выпил первый стакан. Налил второй. Пока чай настаивается, Коротаев набирает номер телефона. Там трубку взяли сразу.

– Привет, Сергеич!.. Да... Спасибо, но не за тем позвонил... Все равно... Рад, что... А как ты узнал?.. Да?.. Выходит, оперативным путем получил информацию о дне рождения?.. Смотри мне: не хватает, чтобы такой сыщик, как ты, еще и за мной следил... Да... Конечно, шутка... Давай к делу... Все в порядке?.. Продвигаетесь, выходит?.. Хорошо... Да?.. А что «нехорошо»?.. Ну, это, Сергеич, сущие пустяки... Разумеется!.. Как-никак, но в одной упряжке и стремимся к одной цели... Будет у тебя ордер на обыск... Когда-когда: завтра утром... Горит?.. Собственно, я и позвонил, чтобы тебе о том же самом сообщить... Пришла пора... Нет-нет, я не приеду на обыск: давайте там сами... Я позвоню Овсянникову... Да... Мне еще рановато... У меня здесь хватает работы... Сам понимаешь... Конечно... Ничего... Молчит... Воспользовался конституционной нормой... Мне спешить некуда: впереди – ничего, позади – все... Как там общая обстановка?.. Так... Не пытаются руководить тобой?.. Нет?.. Тут ты прав: тобой не поруководишь – где сядешь, там и слезешь... Как твои парни?.. Рад слышать... На то и молодость дана, чтобы носом землю рыть. Придет старость –

и, увы!.. Что ты, Сергеич!.. Говорю тебе: никакого уныния!.. Наоборот, я энергичен и бодр... Как никогда... Привет парням... И до связи... Ты тоже изредка хоть позванивай...

2

Постучав в знакомую дверь кабинета, осторожно вошел.
– Доброе утро! – сказал он с порога.

Новый хозяин кабинета поднял глаза, увидев пришельца, улыбнулся.

– Южаков Олег Владиленович, как я понимаю?

– Он самый, – ответил пришедший. Ему сразу понравился новый хозяин этого кабинета: улыбчивый и внешность приятная, сразу располагает.

Хозяин кабинета встал и пошел навстречу, протягивая первым руку, чего, кстати, прежний никогда не делал.

– Будем знакомы... Кобяков Александр Ильич, – они обменялись рукопожатием. – Да вы присаживайтесь, Олег Владиленович, – Кобяков предупредительно выдвинул один из стульев. – Чувствуйте себя, как дома.

– Обживаетесь? – спросил Южаков, оглядывая кабинет, в котором, собственно, ничего не изменилось.

– Потихоньку, – ответил Кобяков и вернулся за стол.

– Выходит, ваши полномочия подтверждены?

– Да. В пятницу. А вы сомневались?

– Нет, но...

– Никто не голосовал против.

– Я рад за вас.

– Я, собственно, попросил заглянуть...

– Я знаю: намерены дать отставку.

– Не стоит спешить с выводами, – Кобяков смотрел на собеседника и улыбался. – Наоборот! Хотел бы видеть вас своим помощником... Если, понятно, вы не станете возражать.

– Не возражаю. Однако... – Южаков намеренно запнулся и замолк: если депутат умный, то сам догадается.

И Кобяков догадался.

– Условия – прежние. Конечно, помощнику депутата гордумы зарплата не полагается, но я в обиде не оставляю. Ваш труд будет достойно вознагражден. Можете не сомневаться. Я очень буду нуждаться в вашей помощи.

– Почему?

– Скажу откровенно: недостаточно образован, особенно в плане владения русским языком. А здесь, как я понимаю, язык – основной рабочий инструмент. Так что... Сами понимаете...

– Понимаю. И готов помочь, чем смогу.

– О, вы многим сможете помочь!

Лесьа понравилась Южакову.

– Не переоцените. Знания есть, но нет вашего жизненного опыта, – он тоже решил польстить, хотя Кобякова вовсе не знал, следовательно, комплимент ни на чем не основывал.

– Значит, по рукам, Олег Владиленович?

– Да, – они снова обменялись рукопожатием, как символом, скрепляющим заключенный договор. Потом Южаков спросил. – Будут какие-то просьбы?

– Пожалуй... Но прежде у меня есть предложение...

– Если насчет коньяка (прежний хозяин любил побаловаться), то я – пас: на работе.

Кобяков усмехнулся.

– Я тоже на работе, тем более в стенах гордумы, не употребляю. Точнее – не намерен употреблять. А вот от минералки, пожалуй, не откажусь, – он встал, подошел к холодильнику и оттуда спросил. – Как вы?

– Тоже не откажусь.

Кобяков принес литровую бутылку минеральной воды и разлил по хрустальным бокалам.

– Прошу!

Они выпили.

– Теперь – насчет предложения, – продолжил Кобяков. – Мы будем встречаться, я так смею предположить, достаточно часто. Поэтому предлагаю: а) перейти в общении на «ты»; б) обращаться к друг другу по именам. Ну, как?

– Что касается пункта один, то нет никаких возражений. Что касается пункта два, то тут ничего не получится.

Кобяков удивился.

– Почему?

– У меня не получится: большая разница в возрасте... И вообще...

– Нет проблем. Будем на «ты», но по имени и отчеству. Так пойдет? Думаю, это будет правильно и справедливо.

– Но вы...

– Не принимаю никаких возражений, Олег Владиленович.

– Воля ваша.

– С этим покончили. Теперь – насчет просьб...

– Внимательно слушаю, Александр Ильич.

– Это даже не просьба, а лишь пожелание: в «Тагильском труженике» тиснуть бы крохотную (в пару строк) информацию.

– Понял. Вы хотите, чтоб появилось сообщение насчет вашего депутатства?

– Именно. Однако должен заметить, что ты нарушаешь первым уговор.

– А... ну, да... – Южаков усмехнулся. – Зато в качестве компенсации морального вреда, – он вытащил из папочки лист с текстом, – у меня... вот то самое сообщение... Оно пойдет в завтрашнем номере, на первой полосе. Прочтите... Прошу прощения, прочти. Если будут замечания, то есть еще возможность внести изменения.

Кобяков взял лист и стал читать вслух:

– В прошлую пятницу городская дума Нижнего Тагила единогласно подтвердила полномочия нового депутата Кобякова Александра Ильича, известного в городе предпринимателя и мецената, одного из сопредседателей Нижнетагильского политического союза (НТПС). Он занял место ушед-

шего в отставку по личной просьбе Шилова Евгения Дмитриевича. Александр Ильич намерен в думе отстаивать прежние позиции, то есть помогать слабым и противостоять наступлению красно-розовых.

Кобяков, прочитав, прищелкнул пальцами.

– Чертенюк, здорово! Коротко, емко и самую суть. Только...

– Что такое?

– Видишь ли, мне непонятно одно слово.

– Какое именно, Александр Ильич?

– «Меценат» – это кто?

Южаков расхохотался.

– Почему смеешься? Глупость сморозил, да?

– Никакая не глупость.

– Тогда зачем смех? Я ведь серьезно спросил.

– «Меценат», Александр Ильич, – замечательное старинное русское слово. Я его употребил, потому что не люблю «НОВОЯЗ»...

– А что такое «НОВОЯЗ»?

– Это новый язык, которым любят щеголять нынче. Я – его противник. Принципиальный противник. Потому что русские люди должны говорить на своем языке.

– «НОВОЯЗ», понятно, – плохо. «Меценат» – хорошо. Но оно, видимо, редко употребляется, поэтому я не знаю...

– Зато, Александр Ильич, ты наверняка прекрасно знаешь другое слово – «спонсор».

– Верно, знаю. Спонсор – это тот, который приходит на по-

мощь слабым и обездоленным. НТПС, допустим, спонсирует интернат для престарелых.

– Так вот: если по-русски, то вы не спонсоры, а меценаты.

– Теперь – понял. Если так, то и я исключу из своего языка это нерусское слово «спонсор».

Южаков спросил:

– Других замечаний нет?

– Нет.

– Тогда я заберу текст. Надо срочно засылать в типографию, чтобы информация действительно завтра увидела свет.

– Спасибо, Олег Владиленович.

– Даже из твоего «спасибо» шубу не сошьешь, – было непонятно, то ли в шутку сказана поговорка, то ли всерьез.

– Да-да... Понял... Извини, – Кобяков полез в нагрудный карман, достал портмоне. – Сколько?

– Прежде мне платили по пятьсот за страницу текста. Условия вы оставили прежние, так что...

Кобяков достал купюру и протянул Южакову.

– Ну, а к купюре, в качестве довеска, – и спасибо.

– Теперь – принимается.

Кобяков решил польстить.

– Мне нравятся люди, которые знают цену своему труду.

В тон ему ответил Южаков:

– Мне нравятся люди, которые умеют держать слово.

– Если так, то мы поладим, Олег Владиленович.

– Кстати. За что арестовали в Екатеринбурге Шилова,

Александр Ильич?

– Не имею представления, – излишне поспешно ответил Кобяков. – Но откуда ты-то знаешь?

Южаков не отказал себе в удовольствии похвастаться:

– Отслеживаю информацию.

– Но в печати не было ничего.

– Это и благодаря мне.

– Ты о чем?

– Дважды отлавливал информацию, которая могла просочиться на страницы «Тагильского труженика».

– Молодец.

– Стараюсь, чтобы в нашей газете об НТПС ничего плохого не было. Даже намека. Пока удастся. Дальше – посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.